

A dramatic movie poster with a dark, moody atmosphere. A massive, scaly dragon with a long, spined tail dominates the upper half of the frame, its head partially visible on the left. The dragon's tail curves around a tall, ornate spire of a gothic-style building. The spire is topped with a weather vane and a glowing light. In the background, a dense city skyline is visible under a cloudy, yellowish sky. The overall color palette is dominated by dark greens, yellows, and browns.

ВАДИМ ПАНОВ

БЫСТРЫЕ ПЕРЕМЕНЫ

ТАЙНЫЙ ГОРОД

**Ия Гай
Андрей Зорин
Дмитрий Фомичев
Елена Лис
Антон Олейников
Вадим Юрьевич Панов
Александр Зимний
Елена Фомичева
Dasha Ever
Анна Астахова**

Быстрые перемены
Серия «Тайный Город»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67592582
Быстрые перемены / Вадим Панов: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-160594-0, 978-5-04-117448-4

Аннотация

Перед вами двенадцать историй о легендарном Тайном Городе, в котором тысячи лет воюют, договариваются и предают друг друга древние Великие Дома.

Скрытый от обычных людей мороком, Город живёт собственной жизнью и лишь изредка в новостях мелькают искажённые факты, по которым невозможно понять, что действительно творится на старых московских улицах. Невозможно догадаться, что многие из нас каждый день встречаются с настоящими волшебниками...

Новая новелла Вадима Панова «Быстрые перемены» и переработанный отрывок из романа «Кафедра странников» «Пошли свой голос!» открывают сборник победителей конкурса «Тайный Город – Твой Город 2021» – книгу из двенадцати рассказов о московских тайнах.

Содержание

Вадим Панов	6
Вадим Панов	97
Конец ознакомительного фрагмента.	142

ТАЙНЫЙ ГОРОД

Вадим Панов

Быстрые перемены

© Панов Ю.В., текст, 2022

© Астахова А., Гай И., Зимний А., Зорин А., Лис Е., Олейников А., Фомичевы Е. и Д., Dasha Ever, текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Вадим Панов

Быстрые перемены

*Замок, штаб-квартира Великого Дома Чудь
Москва, проспект Вернадского*

Три высокие башни...

Три высокие башни, изрядное число дополнительных строений, обширная территория вокруг и подземные этажи, уходящие далеко-далеко в глубь Москвы – вот что представлял собой Замок, дворец и крепость Великого Дома Чудь. Твердыня Ордена – одной из трёх основных семей Тайного Города. На гордый титул «небоскрёб» башни не претендовали – высота не позволяла, но выглядели стильными, абсолютно современными постройками – сталь, стекло и бетон. Снаружи. А вот большая часть внутренних помещений была отделана в полном соответствии с консервативными вкусами рыцарей – дерево и камень. На стенах – гобелены и оружие, тяжёлые бронзовые светильники, а в некоторых коридорах и помещениях – факелы. Под которыми, случалось, можно было заметить копошащегося в смартфоне рыцаря – чуды, как и большинство жителей Тайного Города, были консерваторами, но не дураками, хранили традиции, но не отказывались от современных технологий.

Внутреннее убранство Замка соответствовало его названию, снаружи – напротив – было полностью современным за исключением крыши центральной башни. Здесь господствовал серый камень, из которого были вырезаны и балюстрада по периметру, и фигуры грозных тварей Бестиария, и барельефы, украшающие мощный постамент, на котором в обычное время ярко и гордо сиял Карфагенский Амулет – гигантское, вырубленное из цельного рубина изваяние вставшего на дыбы единорога.

Сиял всегда, но виден был не каждый день. До нападения Вестника рыцари предпочитали скрывать местонахождение своего Источника магической энергии, но после того, как оно было раскрыто, – из гордости оставили на прежнем месте. Однако замаскировали, всегда показывая Амулет горящим с одной и той же яркостью, поскольку по интенсивности свечения можно было с лёгкостью рассчитать периоды его активности и спада. А иногда – абсолютно произвольно – закрывали от посторонних взоров полностью, словно зная, что однажды эта предусмотрительность поможет им избежать позора.

Потому что сейчас на постаменте Карфагенского Амулета не было.

Зато рядом с ним находился труп Гуго де Лаэрта, капитана гвардии и мастера войны Ордена. Точнее, пока – почти труп. Ярга переместил своё сознание из тела рыцаря в другую оболочку, и сейчас несчастный Гуго напоминал младен-

ца: он сидел на каменном полу, прислонившись спиной к постаменту, пускал слюни и, улыбаясь, таращился прямо перед собой. Ничего не видя и никого не узнавая. Его собственная личность исчезла безвозвратно, однако трагедия не задела стоящих рядом рыцарей – они смотрели на несчастного Гуго с равнодушием статуй серого камня.

Рыцарей было трое: Густав Морон и Эдуард фон Кок, длинные выходцы из ложи Саламандры, и Барс де Ларс – невысокий, но жилистый, подвижный командор войны из ложи Мечей. В отличие от Саламандр Барс не носил усов и бороды, коротко стриг рыжие волосы и потому меньше всего напоминал бравого воина гвардии великого магистра.

Четвёртым мужчиной был Ярга. Он стоял у балюстрады, заложив руки за спину, не отрываясь смотрел на панораму ночной Москвы и не обернулся, даже услышав обращение Морона:

– Где должен оказаться труп, заурд?

Тишина.

Несколько мгновений чуды ждали ответа, а когда Барс понял, что Ярга не станет разменивать своё время на такую мелочь, негромко распорядился:

– Чуть левее лестницы. Оттуда лучше вид.

– Для кого? – не понял фон Кок.

– Для репортёров.

– А-а... – Рыцари грубо подняли безвольного де Лаэрта и сделали пару шагов в сторону. – Здесь?

– Да.

– Хорошо.

Фон Кок вытащил из-за пояса кинжал и вонзил в грудь Гуго. Из-за пояса, а не из ножен, поскольку кинжал был взят из личной коллекции Франца де Гира, великого магистра Ордена, сумевшего обмануть Яргу и сбежать из Замка.

Клинок ударил в сердце мастера войны, Гуго вздрогнул, широко распахнул глаза, но в следующее мгновение свет в них потух, и де Лаэрт обмяк. Рыцари опустили его на крышу и встали рядом, ожидая дальнейших распоряжений.

– Итак, что мы знаем: великий магистр Франц де Гир предал Орден и похитил Карфагенский Амулет. Мастер войны де Лаэрт попытался ему помешать, но был убит де Гиrom за несколько секунд до того, как прибыло подкрепление.

– Может, пока не сообщать о похищении Амулета? – осторожно произнёс де Ларс, предлагая скрыть единственную правдивую деталь версии.

– Пожалуй, – поразмыслив, согласился Ярга. – Пусть обыватели считают, что вы что-то скрываете, – это их отвлечёт от размышлений о том, зачем де Гиру похищать Амулет.

– Да, заурд.

– После заявления по Городу поползут слухи, а потом вы расскажете правду: что великий магистр выкрал Источник... Который нужно найти!

Последнее предложение Ярга не произнёс, а рывкнул, причём рывкнул так, что рыцари вздрогнули, – резко, очень

злобно рывкнул. Но продолжил стоять спиной к чудам, продолжая демонстрировать своё недовольство. Крайнее недовольство тем, что его переиграли. Нет, пожалуй, не переиграли – сделали неожиданный и весьма неприятный ход, который ломал ближайшие планы, поскольку Ярга даже в страшном сне не мог представить, что Франц сумеет забрать Источник.

– Что мы знаем?

Сейчас Яргу интересовал де Гир, и только де Гир, – он хотел знать текущие результаты расследования.

– Судя по всему, Франц давно решил похитить Источник в случае неблагоприятного для себя развития событий, – рассказал де Ларс. – Он подготовил скрытый портал и, когда пришло время, – активировал его. Мы думали, что Франц постарается уйти как можно дальше от Замка, искали межконтинентальный переход и потеряли время: он забрал Амулет и скрылся.

Охранная сеть Источника была настроена на пятерых высших иерархов Ордена, и только они обладали силой и умением упаковать Амулет в контейнер и вынести из Замка.

– Как де Гир сумел скрыться?

– Сначала он построил короткий портал в окрестности Тайного Города – его мы сумели засечь, однако сразу же перешёл во второй, межконтинентальный, который оказался очень хорошо замаскирован.

– Кто построил второй переход?

– Тёмные.

– Я так и знал... – вздохнул Ярга. – Я так и знал...

Навы заперлись в Цитадели, однако использовали любую возможность для удара. И будут так действовать до тех пор, пока он не решит эту проблему. А решить её с одним Источником невозможно. Сейчас Ярга контролировал только Колодец Дождей и надеялся – добавив к нему мощь Карфагенского Амулета – штурмовать оплот Тёмного Двора. Их энергия и его способности позволяли рассчитывать на то, что князь не сумеет применить особо сильные или запрещённые заклинания, точнее, они будут заблокированы, что поднимало вероятность победы до девяноста процентов. Теперь же со штурмом придётся повременить.

– Есть ещё одна не очень хорошая новость, – продолжил де Ларс. – Я проверил данные по работе с Источником и увидел, что несколько последних дней шёл целенаправленный отбор энергии в неизвестное хранилище. Проследить его местонахождение не удалось. Я полагаю, что де Гир сознательно накапливал её и теперь располагает небольшим запасом на ближайшее время.

– Небольшим, – уточнил Ярга.

– Но он у Франца есть.

– Его нужно найти. – Ярга наконец-то отвернулся от Города и посмотрел де Ларсу в глаза. – Де Гира, а не запас.

– Да, заурд. – Рыцарь коротко поклонился. – Я с радостью...

– Поиском займутся они. – Ярга едва заметно кивнул на стоящих у тела де Лаэрта рыцарей. – Ты нужен мне здесь.

Де Ларс замолчал, ожидая продолжения, и услышал неожиданное:

– Я собираюсь вывести тебя на первый план, Барс.

Уточнять не требовалось: ему предложено возглавить Орден.

– Меня? – удивился де Ларс.

– У тебя есть сомнения?

– Никаких! – опомнился рыцарь.

– Хорошо. Продолжим чуть позже. – Ярга кивком подождал Морона и фон Кока, а когда они подошли, произнёс: – Вы должны отыскать предателя де Гира.

– Да, заурд.

– Я считаю операцию очень важной и только поэтому принял решение поручить её вам двоим – моим лучшим и самым сильным рыцарям. Вы оба получите награду в случае успеха и оба ответите за неудачу. Оба. Я хочу, чтобы вы работали вместе. Это понятно?

– Мы не подведём, заурд.

– Составьте план поиска, через час я хочу его видеть.

– Да, заурд.

Рыцари покинули крышу, а подошедший де Ларс тихо сказал:

– Без Источника, на тех запасах, которые у нас есть, мы протянем не больше месяца, в режиме жёсткой экономии –

шесть или семь недель.

– Твоя задача – убедить Великий Дом в виновности де Гира и провести экстренные выборы великого магистра, – спокойно, будто не услышав де Ларса, ответил Ярга. – А учитывая, что все сильнейшие маги Ордена или бежали с де Гиrom, или поддерживают нас... – «Или убиты», – добавил про себя Барс, – ...проблем у тебя не будет: ты выиграешь выборы и возглавишь Орден.

Вот так просто: ты возглавишь Орден. Мечта всей жизни буднично выдаётся на крыше Замка рядом с остывающим телом капитана гвардии. Выдаётся тем, кто не имеет никакого отношения к Чуди, но добился права отдавать приказы.

И ещё он, кажется, умеет читать мысли.

– Коробит? – усмехнулся Ярга.

– Да, – не стал скрывать де Ларс.

– От того, что придётся признать моё главенство?

– От того, что нет праздника. И нет борьбы...

– От того, что ты не добился, а стал.

– Да, именно так.

– Праздник будет чуть позже, – пообещал Ярга. – Он придёт, когда ты окончательно осознаешь, что получил. Вот тогда придёт настоящий праздник: и внутри, и снаружи. А вот борьбы – ты уж мне поверь – мало не будет.

– Против кого? – вырвалось у де Ларса.

– Против врагов?

– До сих пор я считал врагами тёмных и зелёных.

– Настоящий солдат, – улыбнулся Ярга.

– Да. – Барс не отрываясь смотрел в чёрные глаза собеседника. – И я не хочу, чтобы моё правление раскололо Орден.

– Я тоже, – ответил Ярга. – Я много раз говорил, что именно в этом заключается моя цель – не расколоть, но объединить. Объединить весь Тайный Город: Людь, Чудь, все вассальные семьи... Объединить не на почве ненависти друг к другу, а в единое целое. Чтобы ту энергию, которая сейчас тратится на борьбу и даже войны Великих Домов, перенаправить на движение вперёд. И для этого мне нужна единая Чудь. Как часть чего-то большего.

«Мы уже Великий Дом, – царапнуло де Ларса. – Куда больше?»

Однако у него хватило ума промолчать.

– То, что я делаю, понимают многие, но принимают далеко не все.

– Почему?

– По той же самой причине, которая мешает тебе сполна насладиться происходящим: они потеряют верховную власть. Заметь: не власть, а именно верховную. Над лидерами семей буду стоять я, и это обстоятельство их не устраивает. Либо не устраивает тех амбициозных магов, которые мечтают сменить нынешних лидеров семей. Все хотят быть самостоятельными, не понимая, чего мы можем добиться, если объединимся.

– Кажется, я понимаю.

– Поэтому ты здесь, Барс, рядом со мной, – мягко ответил Ярга. – И поэтому предложение получил ты, а не кто-то другой.

– Предложение, которое я с благодарностью принимаю, – твёрдо сказал де Ларс.

Ярга помолчал, явно ожидая продолжения.

– И с радостью.

– Хорошо.

– Но вы позволите задать один очень важный вопрос?

– Да.

Вопрос действительно был важным, поэтому де Ларс выдохнул – не наигранно, а по-настоящему – и, замирая, начал:

– Почему вы...

– Почему ты до сих пор тот, кто ты есть? – помог рыцарю Ярга.

– Да, заурд.

Барс де Ларс знал о существовании заклинания «слова князя» – очень сложного аркана, позволяющего Ярге обращать в верных последователей даже смертельных врагов. Барс не знал, не мог знать точно, слышал ли он «слово», однако по косвенным признакам предполагал, что пока остаётся самим собой – ведь он позволял себе мысленно не соглашаться, а иногда даже иронизировать над Яргой. И потому его интересовало:

– Я могу понять, почему вы не изменили меня, но ваше предложение...

– Прозвучало странно?

– Необычно, – кивнул Барс. – Почему бы вам не выдвигать в великие магистры того, кому вы можете полностью доверять?

– Ты знаешь почему, – после короткой паузы ответил Яр-га.

– Они зависимы от ваших решений.

– Скорее, от моего мнения... – Пауза. – Сильно зависимы от моего мнения, и если бы я сделал великим магистром фон Кока, мне пришлось бы самому управлять Орденом, а у меня нет на это ни времени, ни желания.

– Я вас не подведу, заурд, – очень тихо, но очень твёрдо произнёс Барс.

– Я позволяю тебе больше не обращаться ко мне «заурд», – сказал Яр-га. – Привыкай называть меня Консулом.

* * *

«Признаться, сейчас мало кто понимает, что происходит в Тайном Городе. Пресс-служба Великого Дома Чудь хранит молчание, иерархи Ордена отделиваются общими фразами и стараются не встречаться с журналистами. С виду всё выглядит так, будто чуды стараются скрыть нечто постыдное, и просачивающиеся слухи говорят о том, что великий магистр Франц де Гир...»

(«Тиградком»)

*«Зелёный Дом демонстрирует удивительное, неожидан-
но толерантное поведение. Все ожидали язвительных ком-
ментариев и даже некоторой агрессии, которую должны
были проявить люди, однако на этот раз внутренние про-
блемы в Ордене вызвали у лидеров Зелёного Дома искрен-
нее сочувствие. Более того, королева Всеведа объявила, что
готова оказать законным властям Ордена всяческую под-
держку. Не значит ли это, что мы наблюдаем начало объ-
единения Чуди и Люди против Нави?..»*

(«Тиградом»)

* * *

Италия, окрестности Рима

– И вот мы снова вместе, великий магистр, – неспешно произнёс Тыц. – Встречаемся тайно.

– Тайный Город любит тайны, – хладнокровно ответил де Гир.

Второй хван – Фет, глава московской общины четырёхру-
ких, – тонко усмехнулся, но промолчал.

– Если же говорить о титуле, то скоро я его лишусь.

– Это невозможно, – очень серьёзно сказал Тыц. – Титул
великого магистра – пожизненный. А умирать, как я пони-
маю, ты не собираешься.

– Мне могут помочь, – развёл руками Франц. И тут же

поправился: – Мне постараются помочь.

– Это другой вопрос. – Фет сложил все руки перед собой: верхнюю пару на груди, вторую – чуть ниже. – Если хочешь, мы организуем твою защиту. Мы ведь специалисты... в некотором роде.

Семейным бизнесом небольшой семьи Хван были заказные убийства и выращивание Золотого Корня, причём сельским хозяйством их попросили заняться во многом благодаря потрясающим успехам в основном занятии: во-первых, чтобы немного отвлечь, во-вторых, потому что под такой охраной за безопасность дорогостоящего и очень опасного Корня можно было не беспокоиться. Хваны считались одними из лучших бойцов Тайного Города, однако Франц в телохранителях не нуждался. Но постарался сделать так, чтобы отказ не прозвучал обидно.

– Я очень благодарен за лестное предложение, но в настоящий момент мне комфортнее путешествовать с небольшим сопровождением.

– Ты доверяешь всем спутникам?

– Да, – кивнул Франц. – Абсолютно.

– Тогда хорошо.

– И ещё раз: мне действительно очень приятно, что вы беспокоитесь о моей безопасности.

– Ты – великий магистр, – объяснил Тыщ. – Ты – тот, кому мы принесли присягу.

– Вы принесли присягу Ордену.

– Тогда почему мы приносим присягу каждый раз, когда меняется великий магистр?

С ответом де Гир не нашёлся и замолчал, отделавшись дипломатической улыбкой. Но отделаться не получилось.

– Мы, может, не самые большие интриганы на свете, но внимательно читаем то, что подписываем, всё помним и умеем делать выводы, – развил тему Фет. – Давным-давно, когда наши предки обсуждали текст присяги, мы предлагали сделать её вечной: принести один раз и навсегда. Но твои предки не поверили, что мы готовы держать слово до окончания веков, и следующий великий магистр предложил нам подтвердить свою преданность. Мы не стали отказываться, но попросили внести в текст несколько несущественных на первый взгляд изменений...

– Которые дают вам право решать, насколько происходящее в Ордене согласуется с вашим мнением.

– Приблизительно так.

Они не были интриганами, но внимательно следили за тем, чтобы заключаемые договора соответствовали интересам семьи.

– С твоей смертью у нас исчезнет возможность манёвра, – честно объяснил Тыц. – Нынешние власти немедленно потребуют от нас подтверждения старых договорённостей, а мы не хотим связывать себя обязательствами им.

– Поэтому мы будем тебя защищать, – улыбнулся Фет. – Извини, если это расходится с твоими планами.

– Главное, чтобы вы не навели на меня – случайно, конечно! – преследователей.

Хваны помолчали, переглянулись, видимо, решили, что ничего обидного не прозвучало, и Тыц негромко пообещал:

– Мы будем осторожны.

– Прекрасно. – Де Гир почувствовал себя увереннее. – Теперь расскажите, чего они от вас хотят?

– Просят определиться. Барс де Ларс... ты ведь его помнишь?

– Помню и хорошо знаю.

Францу стало грустно – командор войны де Ларс считался одним из главных претендентов на титул великого магистра... лет через тридцать. И его харизма, возможно, поможет Ярге подмять под себя Орден.

– Барс прислал переговорщиков – прощупывает наше настроение. Мы пока ответили, что посмотрим, как будут развиваться события и что заинтересованы в том, чтобы всё было законно.

– Что ответил Барс?

– Согласился и пообещал уладить все формальности в ближайшее время.

– А до тех пор?

– А до тех пор мы свернули все дела, – ответил Фет. – В Тайном Городе осталось лишь двое наших: присматривать за имуществом и происходящим. Я им приказал не высываться и никого к себе не подпускать.

– Разумно.

– Можно сказать, мы устроили себе что-то вроде самоизоляции, – добавил Тыц. – Все переговоры только по сети, документы меняем каждые пять дней, магию почти не применяем.

А слабый морок, под которым хваны скрывали вторую пару рук, засечь было очень сложно.

– Сейчас весь Город на самоизоляции, и неизвестно, когда она закончится.

– И что будет дальше.

– И что будет дальше, – согласился де Гир.

Возникла пауза. Не очень длинная, но тяжёлая. Не потому, что собеседникам нечего было сказать, а потому что они собирались с мыслями перед главной частью разговора.

Франц прекрасно понимал, что четырёхрукие приехали оценить происходящее и решить, стоит ли на него ставить. И ещё понимал, что верность хванов имеет границу: интересы семьи. И потому их «самоизоляция» может распространиться и на него: четырёхруким ничего не стоит затаиться и подождать, чем всё закончится. Что же касается их алтайской родины, то вряд ли де Ларс или даже Ярга решат её атаковать – не все хваны хорошо разбирались в тонкостях сельского хозяйства, но все они были великолепными убийцами, связываться с которыми... Да лучше никогда не связываться – договориться дешевле.

– Всё повторяется, Франц: мы уже поддерживали тебя в

трудной ситуации, – негромко начал Фет. – Но тогда она была иной.

– Тогда я владел инициативой, – прищурился де Гир.

– Тогда ты был изгоем, за которым стояли те, кто верил в твою правоту.

– Сейчас я обвинён в преступлении.

– Как и тогда.

– Как и тогда.

– И снова есть те, кто не верит в твою виновность.

– Их много.

– Меня обвинили в смерти Гуго.

– В Городе никто не верит в это обвинение. А мы знаем, что ты этого не делал, Франц.

– Поэтому мы здесь.

– Не только поэтому, – мягко перебил хвана великий магистр. – Ещё вы понимаете, что они вас изменяют.

– Могут изменить, – уточнил Тыц, показав, что знает о «слове князя».

– Вопрос только во времени: пока ему выгодно договариваться – он будет договариваться, как только наберёт такую силу, которая позволит решить ваш вопрос без тяжких последствий – тут же начнёт войну.

Четырехрукие снова помолчали – Франц понял, что они оценивают перспективы схожим образом, после чего Фет неохотно подтвердил:

– Возможно.

– Он очень силён...

– Тем интереснее будет его прикончить, – вернул себе слово Тыц. – И мы хотим понять, собираешься ли ты это делать?

– Воевать?

– Побеждать.

– Ты уже воюешь, – хмыкнул Фет.

– Я сделал очень много для того, чтобы они проиграли.

– Ты увёл Источник из Замка?

– Да.

– И?

– И теперь рыцари сидят на голодном пайке.

– Это понятно. – Тыц помолчал, глядя де Гиру в глаза. – Твои недруги смогут отыскать и вернуть себе Источник?

– Нет.

– Уверен?

– На сто процентов, – твёрдо ответил Франц.

– А в том, что ты сможешь вернуть себе Источник?

– На сто процентов, – с прежней уверенностью произнёс де Гир.

И понял, что попал в нехитрую ловушку: сам сказал хванам, что Источника у него нет.

– Они держат слово, – спокойно сказал Тыц, складывая на животе нижние руки.

– Они не воспользуются твоим положением, – добавил Фет, слегка расслабляясь.

Хваны не уточняли, кто это – «они», но было абсолют-

но понятно, к кому мог обратиться за помощью великий магистр.

К Тёмному Двору.

А это, в свою очередь, означало и то, что Франц собирается воевать, и то, что Франц собирается побеждать, – с такими союзниками думать о другом просто глупо.

– Что происходит в Городе? – сменил тему де Гир. – На ваш взгляд.

– Самоизоляция. – Фету явно понравилось это слово. – Многие жители отправились в «давно запланированные» отпуски на другие континенты, остальные стараются не высываться без особой надобности. Никто не понимает, что происходит.

– Навы заперлись в Цитадели, – добавил Тыц. – С одной стороны, это хорошо: к ним не прорваться, Цитадель неприступна. С другой – все думают, что это признак слабости.

– А что думаете вы?

– Мы начнём думать только после того, как разберёмся в происходящем.

Однако Фет оказался чуть более искренним:

– Мы помогли Егору Бесяеву уничтожить базу «Тиградком». Точнее, скопировать её и передать в Тёмный Двор. К сожалению, в Ордене таких принципиальных не оказалось, или они попросту не успели принять меры, поэтому вся информация о твоих подданных оказалась у Ярги.

– Мы поможем тем, кто бежал из Города, – глухо произнёс

Франц. — У меня достаточно денег.

— Шасы вешают на беглецов «пчелиные рои» и обеспечивают документами, — кивнул Тыц. — Работают день и ночь.

— Вы сотрудничаете?

Хваны несколько секунд молча смотрели на великого магистра, затем Фет едва заметно улыбнулся:

— Немного помогаем с логистикой.

— Но только тем, в ком уверены.

— Мы делаем это бесплатно.

— Потому что убеждены, что поступаем правильно. Мы не позволим изменить Тайный Город.

— Спасибо, — тихо сказал де Гир.

Больше ему сказать было нечего. Но короткое слово прозвучало настолько искренне, что стоило длинного выражения признательности. И четырёхрукие это поняли.

— Мы больше не будем встречаться лично, но ты знаешь, как нас найти. И до тех пор, пока ты — будешь ты, ты сможешь рассчитывать на нас.

— Вы поклялись.

— Да, мы поклялись.

— До встречи.

Тыц и Фет вышли из кабинета, а когда за ними закрылась дверь, де Гир подошёл к окну и остановился, рассеянно разглядывая окружающий виллу парк — не очень большой, ухоженный, вызывающий желание устроиться на какой-нибудь лавочке с толстой книгой и неспешно читать, наслаждаясь

тишиной и покоем. Наслаждаясь тем, чего у него нет и в ближайшее время не предвидится, потому что даже в тишине ему не будет покоя.

Итак, хваны сговорились с навами... но этого следовало ожидать: четырёхрукие всегда симпатизировали тёмным и даже во время войн Великих Домов старались по возможности не ввязываться в столкновения с ними. Не боялись – уважали. А во время глобальных кризисов, угрожающих всему Тайному Городу, предпочитали смотреть на то, как поведёт себя Тёмный Двор. Не только потому, что чувствовали силу навов, – а потому, что знали, тёмные в таких случаях, как бы смешно это ни звучало, всегда стараются отыскать решение, благоприятное для всего Города, для всех его обитателей.

А вот остальные Великие Дома этим похвастаться не могли.

Сейчас навы хоть и заперлись в Цитадели, но без дела не сидят: эвакуируют из Тайного Города всех желающих, помогая с деньгами, документами, связью и всем, что может потребоваться во время «отпуска» на чужбине; формируют коалицию и терпеливо ждут возможности нанести удар.

«Ты собираешься победить?» – вспомнил Франц вопрос хванов.

И мысленно ответил:

«Да, мои четырёхрукие друзья, я собираюсь победить, ведь в противном случае нет смысла начинать войну. И я знаю, что Яргу можно победить только сообща...»

Турция, Стамбул

Призыв к молитве...

Громкий.

Настырный.

В старые добрые времена его крик не мешал... никакие посторонние звуки не могли помешать крепкому и здоровому сну жителя Тайного Города: простенький и недорогой артефакт «АнтиШум» (№ 4 в рейтинге Торговой Гильдии среди средств обеспечения комфорта) надёжно блокировал все посторонние звуки, позволяя выбирать для проживания абсолютно любые районы. Однако те времена остались в прошлом – на время или навсегда, сейчас не важно, и работающий артефакт, даже такой простой, как «АнтиШум», мог привлечь к беглецам ненужное внимание. А молодой шас Лебра Томба и чёрная моряна Фатма были самыми настоящими беглецами, тщательно скрывающими от зелёных ведьм своё местонахождение. Вот и приходилось просыпаться под призыв к утренней молитве. То есть необыкновенно и непривычно рано. В иные дни получалось продолжить отдых – после того, как вновь наступала тишина, но чаще пронзительный голос вышибал остатки сна, и тогда Лебра открывал глаза, некоторое время лежал неподвижно, убеждаясь, что крик муэдзина ему не приснился, затем поворачи-

чивался и улыбался лежащей рядом Фатме. Улыбался, даже если её глаза ещё были закрыты – знал, что она чувствует его улыбку. И ещё знал, что она не спит.

– Любимая...

Лебра потянулся, нежно поцеловал девушку в щёку, за-
мер, а увидев едва заметную улыбку, поцеловал снова.

– Ещё, – прошептала Фатма, чуть поворачивая голову.

Лебра с удовольствием поцеловал её в губы. Сначала –
мягко, легко, но когда тонкие руки девушки обвили его шею,
поцелуй превратился в крепкий и глубокий, и одновременно
Лебра натянул одеяло, укрывая себя и Фатму с головой.

– Чудесное утро, – прокомментировал вышедший из душа
Лебра.

– Неплохое, – согласилась девушка, протягивая ему круж-
ку с дымящимся кофе.

– Всего лишь неплохое? – поднял брови шас.

– Чудесное. – Фатма улыбнулась, поцеловала Лебру в щё-
ку и подняла свою кружку: – Чин-чин.

– Чин-чин.

Девушка сделала маленький глоток и указала взглядом на
пол:

– Странно, что сегодня Копыто не ругался. – Обычно
утренний крик муэдзина обрамлялся цветастыми ругатель-

ствами соседа снизу.

– Может, привык? – предположил шас.

– К этому?

– Почему нет?

– Он не мог привыкнуть, – поразмыслив, ответила Фатма.

И хитро улыбнулась: – Нам есть чем заняться, а ему – нет.

Бравый уйбуй по прозвищу Копыто – имена-фамилии-отчества в дикой семье Красных Шапок оставляли для официальной бюрократии – вместе с ними бежал из Тайного Города. Так совпало. Бросать его Лебра и Фатма не стали, поселили в маленькой квартирке этажом ниже и присматривали, чтобы он не натворил глупостей.

И сейчас, сообразив, что не слышали привычных утренних ругательств, одновременно подумали о том, что не уследили.

– Что он мог натворить?

– Он вчера был достаточно пьян, чтобы контролировать себя.

– Точно?

– Точно, – подтвердил Лебра. – Я уже научился различать его состояния.

Алкоголь – особенно виски – являлся идеальным и единственным катализатором для функционирования несложных мозгов Красных Шапок, и средняя степень опьянения была идеальным состоянием для общения с дикарями.

– О чём вы говорили? – осведомилась Фатма, прихлёбы-

вая кофе. – И как получилось, что у вас ещё не иссякли темы? Мы тут уже почти неделю.

– Копыто запоминает меньше половины того, что я рассказываю, – хмыкнул шас. – И с интересом слушает мои истории по третьему-четвёртому разу.

– Ты уверен, что слушает?

– Мне без разницы.

Лебра любил поболтать, Копыто был не прочь неспешно надираться под необременительный бубнёж носатого собеседника, и вместе они образовали идеальную пару. Фатма в их вечерних посиделках участия не принимала.

– Так о чём вы вчера говорили?

– Как обычно – ни о чём.

– Точно?

– Ну, я изложил ему свои взгляды на изменение муниципальных налоговых правил, сказал, что нагрузка увеличится несоразмерно, что должно привести к снижению ставок со стороны Великих Домов...

– А Копыто? – перебила его Фатма.

– Слушал.

– Молча?

– Гм... – Лебра допил кофе и нахмурился, припомнив важное: – Во время разговора Копыто сказал, что ему надоело быть нам обузой.

– Так, – девушка помрачнела. – Что ещё?

– Ещё сказал, что мы его кормим и даём деньги на кар-

манные расходы, и он чувствует себя жиголо.

– Почему ты не среагировал на эти фразы?

– Ну, мало ли что он там говорит? – вздохнул шас. – Я не особо прислушиваюсь.

– Молодец, – похвалила его Фатма. – А о чём ты говорил помимо налогов?

– Я... – Лебра сделал вид, что задумался, но обмануть по-другу не смог.

– Ты рассказывал ему о посылке?

– Кажется, упомянул, – неохотно признался шас.

– Так. – Они продолжили стоять на кухне только потому, что оба понимали, что бежать куда-то поздно. – Вы к нам заходили?

Мужские посиделки проходили в квартире Копыто – Фатма терпеть не могла специфический дикарский запах, – уйбуу позволялось лишь постоять в прихожей, не более.

– Заходили, – убито признался Лебра. – Он попросил бутылку виски.

– Ты за ним приглядывал?

– Ну... да.

– Милый? – девушка подняла брови.

– Виски мы в коридоре не храним.

– А посылку?

А посылка и сейчас должна была лежать там, где её вчера бросил шас, – в прихожей. Услышав вопрос, Лебра подошёл к коробке, которую им контрабандными тропами передали

из Тайного Города, снял крышку, несколько мгновений изучал лежащие внутри артефакты, после чего посмотрел на де-вушку и пробормотал:

– Этот стервец нас обокрал.

Фатма тихо выругалась.

– Да пофиг, что вы обо мне думаете, мля, – произнёс уй-буй Копыто. После чего сделал большой глоток виски из гор-лышка, вытер губы тыльной стороной ладони и продолжил внутренний диалог со спутниками: – Я не такой, мля! Я не жиголо, мля. И я вам это докажу.

Потому что чувствовал себя обиженным.

Нет, первые дни дикарю происходящее очень даже нрави-лось: его кормили, поили, причём в буквальном смысле сло-ва – выдавали бутылку виски на день, ему сняли квартиру, давали деньги, которые он тратил на... Ну, в общем, тратил. И чувствовал себя уйбуй так, будто его усыновили. Но од-нажды поймал на себе улыбку Фатмы... Случайно поймал – через витрину магазина, моряна не знала, что Шапка её ви-дит. Поймал, и им овладело странное чувство. Действитель-но – очень странное. Копыто своего обычного, классическо-го образца ту улыбку даже не заметил бы и уж тем более ни-как бы на неё не среагировал, а вот Копыто нынешний, за-стрявший вдали от Южного Форта, «Средства от перхоти»,

родных Шибзичей и подлых Дуричей с Гниличами, улыбку разглядел и загрустил. А когда острая фаза грусти прошла, уйбуй загорелся желанием доказать спутникам, что он тоже чего-то стоит. А поскольку особой фантазией похвастаться не мог, то свою стоимость Копыто решил доказать ограблением инкассаторского фургона.

Да, в одиночку.

Благо артефакты Тайного Города позволяли повернуть и не такое дело.

– А вот и ты... – протянул Копыто, плотоядно улыбаясь приближающемуся броневику – приземистому и внушительному, в чреве которого наверняка таились несметные сокровища. – Иди сюда, пузатый, готовься делиться наличностью...

План нападения уйбуй продумал, исходя из того, что удалось стащить из посылки, которую Лебре и Фатме доставили из Тайного Города и о содержимом которой шас напропалую хвастался вечером. Шас и моряна поняли, что их «отпуск» затянется на неопределённое время, и заказали в Торговой Гильдии изрядное количество артефактов, которые должны были обеспечить им хотя бы подобие привычного комфорта и безопасности. И именно вторые артефакты особенно интересовали уйбуя – ведь устройства, призванные обеспечить безопасность, нетрудно использовать для атаки, главное – всё спланировать.

И Копыто проявил неожиданную для себя предусматри-

тельность.

Во-первых, позаботился о конспирации. Однако этот факт особого удивления не вызвал, поскольку, несмотря на свою бестолковость, Шапки понимали важность соблюдения режима секретности – не только в Тайном Городе – и обязательно использовали нужные артефакты. Если они у них были. На этот раз звёзды сошлись как надо, и отправившийся на дело уйбуй не забыл активировать два артефакта: морока, став невидимым для обычных челов, и «накидку пыльных дорог», спрятавшую его от видеокамер.

Во-вторых, решил обойтись без применения смертельно опасных арканов... потому что в посылке их не оказалось. Точнее, они были, но лежали на самом дне коробки, куда Копыто не успел заглянуть, и поэтому план нападения кроважностью не отличался.

Когда броневик поравнялся с уйбуем – а в этом месте улица забирала вверх и машины двигались неспешно, – он оказался в зоне действия морока и одновременно уткнулся в установленную на дороге «паутину», которая с мягкой твёрдостью заставила его остановиться. Несколько секунд ничего не понимающий водитель продолжал давить на акселератор, стирая покрышки об асфальт, Копыто приготовил вторую «паутину» – на тот случай, если броневик решит сдать назад, подошёл к боковой двери и с размаху ударил по ней кулаком, на который была надета перчатка с «кузнечным молотом». Удар получился такой силы, что броневик покачнулся, угро-

жая завалиться на бок, но дверь всего лишь прогнулась. Изнутри слышалась турецкая брань, однако огонь защитники наличных не открыли, поскольку не видели, в кого стрелять. И их недоумение придало уйбую уверенности в себе.

– Ага!

Следующий удар ещё сильнее вмял дверцу внутрь, после чего Копыто ухватился за неё и мощным рывком сорвал с петель. Отшвырнул её в сторону и неожиданно услышал:

– Что ты делаешь?!

Съёжился от страха, но в следующее мгновение опознал голос и огрызнулся:

– А как ты думаешь? – даже не обернувшись на Лебру.

– Я думаю, что ты дурыю маешься!

– Я деньги добываю!

Обалдевшие охранники вылезли из фургона и уставились на выломанную дверь.

– Идиот, – простонал шас.

– Я сделал это! – Уйбуй запрыгнул внутрь и схватил ближайший мешок с наличностью. – Я победил!

– А как ты собираешься уносить добычу? – поинтересовался Лебра, облакачиваясь плечом на фургон. – Извини, что спрашиваю.

– Просто уйду, – пожал плечами Копыто, прихватывая второй мешок. – Меня ведь не видно!

– Челам не видно, – уточнил шас.

– А кто здесь есть ещё?

– Они. – И Лебра кивнул на трёх мотоциклистов, мчащихся к ним от ближайшего перекрёстка. На трёх плечистых ребятах, облачённых в чёрные кожаные костюмы и наглухо зачёрнённые шлемы. На ребят, которые очень не любили солнечный свет.

– Кровососы? – упавшим голосом спросил уйбуй.

– Кровососы, – подтвердил шас, складывая на груди руки. – По наши души, между прочим.

Мятежные вампиры, отвергнувшие Догмы покорности и жестоко – вплоть до беспощадных рейдов друг против друга – враждующие с Великими Домами, приняли Яргу настороженно. Сразу сказали, что не приемлют никаких ограничений и планируют убивать кого хотят и когда хотят, *высушивать* челов в том количестве, какое сочтут нужным, потому что они – охотники, и так будет всегда. Такое поведение вампиров уже приводило к тяжким последствиям, однако на том этапе Ярге требовались безжалостные, сильные, а главное – знающие о Тайном Городе воины, и он убедил вождей кровососов, что разделяет их презрение к челам и после победы позволит вести себя так, как им заблагорассудится.

«Мне понадобятся умелые пастухи. Умелые и жестокие».

Перспектива оказаться главной семьёй планеты мятежным вампирам понравилась, они дружно поддержали Яргу,

однако потерпели сокрушительное поражение во время атаки на Тайный Город, потеряв едва ли не всех подготовленных бойцов. Жалкие их остатки вернулись в родные города ещё более злыми, чем раньше, ещё больше ненавидящими Тайный Город, и сейчас, почуяв работающие артефакты, вампиры буквально осатанели. Им хотелось одного – убивать, и они не раздумывая бросились в атаку.

– Это конец? – пролепетал уйбуй, разглядывая приближающихся мотоциклистов.

Однако продолжая крепко держать вожаки мешки.

– Не знаю, – честно ответил шас. – Но нагадил ты нам изрядно.

После чего вытащил из кармана шарик с «паутиной», активировал его, дождался, когда кровососы начнут сбрасывать скорость, и метнул в них артефакт. Липкие волокна не только остановили вампиров, но сбили на землю, заставив покатиться по асфальту, и позволили грабителям выиграть время.

– Бежим! – рывкнул Лебра.

– Куда?! – проныл Копыто.

– В машину, идиот!

Рядом с ними затормозил «Фиат», и выглянувшая в окно Фатма громко выругалась. Но сначала громко спросила:

– Сколько вас ждать?

И резко стартовала после того, как Лебра втащил уйбуя в салон.

– Мы спаслись?

– Ещё нет.

Потому что уйти от быстрых мотоциклистов было не так просто. А от быстрых мотоциклистов и полиции – ещё труднее. А от быстрых мотоциклистов, полиции и разогнавшегося броневика...

Но обо всём по порядку.

«Паутина» к числу смертоносных арканов не относилась, падение с мотоциклов крепкие вампиры тоже пережили без особых последствий – один кровосос ухитрился разорвать рукав куртки и завизжать, когда солнечные лучи поджарили его через прореху, но приятели замотали рукав скотчем и привели раненого в чувство. Затем вампиры сорвали с себя остатки «паутины», запрыгнули на мотоциклы и помчались за «Фиатом». Не сообразив, что, оказавшись вне зоны действия морока, привлекли к себе внимание инкассаторов. Три мотоциклиста мгновенно превратились в главных подозреваемых, а сообщив о них в полицию, инкассаторы не нашли ничего лучше, как броситься следом – горячая кровь требовала отмщения.

А особенная прелесть происходящего заключалась в том, что сначала настоящую цель погони видели только вампиры, поскольку от инкассаторов и полицейских «Фиат» скрывал

наведённый морок. Однако выскочив на оживлённую улицу, Фатма отключила артефакт – чтобы другие водители её видели, – оставив только искажающий машину и пассажиров морок, и сразу же оказалась под пристальным вниманием полиции. Слишком высокая скорость. Слишком агрессивное вождение. И слишком профессиональное – реакция Фатмы превосходила человеческую, поэтому «Фиат» – точнее, не совсем «Фиат» – поражал окружающих не только скоростью, но и точностью перемещений по стамбульским улицам.

Однако долго так продолжаться не могло.

– Они блокируют район! – сообщил Лебра. Запрыгнув в машину, шас тут же настроил рацию на полицейскую волну и надел наушник аудиотолмача.

– Вырвемся?

– Не уверен... – Одновременно Лебра подключился к полицейскому серверу, вывел на планшет карту города и поморщился, глядя, как стремительно краснеют улицы. – Инкассаторы сгустили краски, сообщили, что была перестрелка и есть раненый, так что полицейские будут действовать жёстко.

– Откуда у вас эта машина? – поинтересовался Копыто. – Была же другая.

– Я навела морок, идиот.

– Не называй меня идиотом.

– А как тебя называть?

– Я денег добыл.

– Мы потратили больше на то, чтобы тебя вытащить, – рассказал шас, поскольку Фатма как раз вписывалась в трудный поворот, оказавшись на узкой односторонней улочке. Но скорость не сбросила, вызвав панику у местных обитателей. Мотоциклисты ухитрились повторить манёвр, одна из полицейских машин тоже. А вторая не справилась – врезалась в угол здания, а через секунду в неё вошёл броневик.

– Вы потратили больше. А я – ничего.

– Потому что стащил у нас артефакты.

– Не стащил, а взял попользоваться. Зарядите снова.

– «Паутина» одноразовая.

– Она больше не нужна.

– Может, выкинем его? – спросила Фатма.

– И куда он пойдёт?

– Деньги у него есть – вернётся в Город.

– Я в Город не хочу, – испугался уйбуй. Обернулся, увидел никак не отстающих мотоциклистов и потянулся за пистолетом: – Хотите я их перестреляю?

– Сиди смирно! – рывкнул Лебра. – Ты уже достаточно натворил!

– Откуда у него пистолет? – процедила Фатма.

– Откуда у тебя пистолет?! – опомнился шас.

– Не отдам! – отрезал Шапка. И тут же взвизгнул: Фатма так резко повернула направо, что уйбуй ударился головой о дверцу. – Осторожнее!

Но его никто не слушал.

«Фиат» въехал в ещё более узкий переулок, скорость пришлось сбросить, а вот вампирам – не так сильно. Они оказались совсем рядом, Лебра высунулся из окна и бросил в них последнюю «паутину».

– Есть!

Запутавшиеся кровососы вновь валятся на землю, около них останавливаются полицейские, «Фиат» делает ещё два поворота, превращается в «Субару» и медленно выезжает на широкую улицу, законопослушно вливаясь в автомобильный поток.

* * *

«Руководство “Тиградком” приносит извинения за перебои, в том числе продолжающиеся, в работе сети. Испытанные пользователями неудобства связаны с саботажем, устроенным некоторыми сотрудниками, в том числе высокопоставленными, которые обязательно понесут заслуженное наказание...»

(«Тиградком»)

«Мы сделали всё, что смогли, и наша совесть чиста. Мы не отдали новым хозяевам базу данных “Тиградком” и не продались сами. Мы – это те сотрудники “Тиградком”, которые не принимают случившееся и считают, что в Тайном Городе произошёл переворот. Мы не понимаем, как это ста-

ло возможным, не знаем, чем всё закончится, но призываем всех, кому небезразлична судьба Тайного Города, и тех, кто разделяет наши ценности, присоединиться к нам в стремлении вернуть Городу настоящее лицо. А пока мы объявляем о создании нового, абсолютно независимого информационного канала, из которого вы сможете узнать правду, правду и ничего, кроме правды...»

(«MG online»)

* * *

Турция, Стамбул

– Ты совсем идиот?

Фатма крепилась всю дорогу. Сначала – потому что нужно было уходить от погони, следить за дорогой и преследователями, когда оторвались, поняла, что качественной головомойки сидящему на заднем диванчике уйбую не получится – нужно видеть его глаза, и терпела. Даже во дворе, выйдя из машины, не стала ничего говорить – молча зашла в подъезд, поднялась на этаж Копыто, дождалась, когда он впустит их в квартиру, и вот тогда...

– Кретин!

– Что я сделал?! – попытался огрызнуться уйбуй, который уже поверил, что разборки не будет.

– Ты знаешь, что сделал!

– А главное – зачем?! – поддержал подругу Лебра.

– Вы сами говорили, что нам нужны деньги! – Копыто выставил перед собой два мешка с турецкой наличностью. – Вот!

Фатма брезгливо посмотрела на добычу:

– Мы тебя просили добывать деньги?

– Нет.

– Тогда зачем ты ограбил броневик?

– Кто-то должен о вас позаботиться!

– Я тебя сейчас загрызу!

– Ты... эт-та... не горячись, ладно? – К угрозе Фатмы уйбуй отнёсся настолько серьёзно, что стал слегка заикаться. – Н-не надо вот эт-того здесь.

– Ты даже не представляешь, как сильно мне хочется порвать тебя на куски, – негромко произнесла девушка, глядя дикарю в глаза.

В её голосе не было угрозы. Совсем. И говорила Фатма тихо. Однако Копыто вспотел.

– Н-не ннна-адо. – И сделал маленький шажок к Лебре.

– На меня не смотри, – тут же сказал шас. – Я до сих пор в бешенстве.

– А чт-то я такого нат-творил?

– Ты нас подставил.

– Я помочь хотел.

Лебра и Фатма переглянулись, как будто беззвучно перебросились фразами, и Копыто, понимая, что «говорят» они о нём, дрожащим голосом продолжил:

– Мы сидим тут, бедствуем, вы всё время напрягаетесь... – заикаться он перестал. Видимо, паническая атака закончилась.

– Мы не напрягаемся!

– ...вот я и подумал: чего бы мне, такому сильному и умному, вам не помочь?

Копыто по очереди оглядел друзей и умильно улыбнулся.

Фатма пожала плечами и молча вышла из квартиры.

– Собирайся, сильный и умный, – буркнул Лебра, проводив девушку взглядом. – Мы уезжаем.

– Далеко?

– В другой город.

– Почему? – После ухода Фатмы уйбуй заметно осмелел.

– Потому что здесь нас будут искать.

– А куда мы поедem?

– Расскажу, когда поедem.

– Чего вредничаешь?

– Мы тебя ещё не простили.

– Ладно, ладно... – Копыто оглядел мешки, которые до сих пор держал в руках, и поинтересовался: – Деньги пересчитывать будем?

– Сожги их, – коротко приказал Лебра.

– Сжечь?! – Уйбуй сначала возмутился – ведь речь шла о его добыче! А затем изумился, поскольку не ожидал, что шас предложит уничтожить деньги.

– Нельзя оставлять следы.

– А как же мы без денег?

– Придумаем что-нибудь.

– Ограбим банк в другом городе?

– Ограбим, но иначе, – пообещал шас.

– Как?

– Сидя за компьютером.

– Ты хакер, что ли? – тут же осведомился Копыто. – Меня научи!

– Для начала тебе нужно освоить вот это. – Лебра сунул уйбую учебник арифметики на турецком языке и направился к дверям: – На сборы у тебя полчаса.

* * *

Замок, штаб-квартира Великого Дома Чудь

Москва, проспект Вернадского

Объединить Чудь...

Цель, безусловно, достижима, поскольку возможно всё: чёткое планирование, упорный труд и достаточные ресурсы позволят добиться нужного результата, каким бы нереальным он ни казался. Другой вопрос – как? Какой ценой? А главное – когда? Сколько времени понадобится на достижение цели? Если приложить усилия, любое общество, какие бы потрясения ни случились, однажды вновь станет единым. Но вряд ли Яргу устроят годы, которые на это потребуются – на излечение ран и достижение подлинного согласия. Ярге

нужен результат здесь и сейчас, за считанные дни, возможно – считанные недели, не больше, но для настоящего результата этого времени мало – можно будет получить лишь его видимость.

Интересно, понимает ли это Ярга? Разумеется, понимает, он самый умный из всех, с кем доводилось общаться де Ларсу. Но раз понимает, но всё равно требует, что это может означать? Что ему плевать? Сомнительно – ставки слишком высоки, чтобы плевать на настроения Великого Дома. Тогда чего же он хочет?

«Он хочет получить настоящий результат и поэтому не изменил меня, – сказал себе рыцарь. – Консулу нужен нестандартный ход, исполнитель, способный зажечь и увлечь за собой подданных, а переделанные на это не способны. Но когда надобность в ярком лидере отпадёт...»

Что будет тогда?

Барс усмехнулся. Грустно усмехнулся, потому что отдавал себе отчёт в том, что будет, когда Ярга решит, что контроль над Орденом достаточно прочен, чтобы поручить его марионетке. Несмотря на все уверения и обещания.

«Он меня переделает...»

При этом де Ларс догадывался, что глобально в его восприятии мира ничего не изменится: он будет ненавидеть врагов, любить жену, собирать марки, принимать участие в дружеских попойках, и ко всему этому добавится преданность Ярге. Один маленький штрих к большому полотну. Однако

Барс... не хотел этого. Совсем не хотел. Да, ему будет безразлично, да, он ничего не поймёт, когда это случится, просто не заметит, что перестанет критически относиться к некоторым вещам, но не хотел. Сейчас не хотел. И это нежелание было ещё одной причиной, не позволяющей ему радоваться предложению возглавить Орден.

Он не верил.

Не верил, но знал, что должен сыграть роль, потому что намеревался удержать Великий Дом Чудь от внутренних распрей. Любой ценой.

И для этого... в том числе – для этого, он собрал в тронном зале Замка Большой Совет. Ну, как большой – как получилось.

Самым большим представительством могла похвастаться гвардия: несколько командоров войны, самых сильных боевых магов Ордена, руководители подразделений, уважаемые и заслуженные ветераны, чьё слово способно повлиять на мнение рядовых чудов? – гвардия была основой вооружённых сил Ордена, по ней Ярга бил в первую очередь, обращая в преданных последователей тех, кто мог – кто должен был! – стать его злейшими врагами. Но обратить успел не всех, поэтому среди присутствующих командиров были обладатели приставки «исполняющий обязанности»...

Что же касается лож, то все магистры – все! – предпочли покинуть Тайный Город, а с ними уехали многие рыцари. Вместе с семьями. И увезли с собой всех талантливых

подростков – детей, за которых боялись больше всего. И не просто уехали, поспешив покинуть Город на время политической турбулентности, а спрятались, закрывшись от поиска или повесив на себя многотысячные «пчелиные рои». А безостановочно работающая фирма «Шась Принт» обеспечивала беглецов поддельными документами и кредитными карточками, причём оперативно и за символическую цену – по слухам, затраты оплачивал Тёмный Двор. И за несколько последних дней численность Ордена уменьшилась почти наполовину.

В Зелёном Доме такого не произошло – там власть перешла в руки ставленников Ярги постепенно, хоть и с большой кровью. А вот подвергшиеся молниеносной атаке чуды среагировали неожиданно – спрятались. И продолжали разбегаться.

А на лицах тех, кто пришёл, де Ларс не замечал особой радости. И хорошо видел – по лицам, – кто выслушал «слово», а кто пока оставался собой. Обращённые улыбались, остальные ждали начала действия. И когда Барс разглядел разницу, он почувствовал острое желание быть обращённым. Но только на эту церемонию. Провести её, не задумываясь о том, что будет, а потом снова стать нормальным.

«Нормальным...»

Слово резануло очень сильно и больно, потому что одновременно де Ларс окончательно осознал, что не считает обращённых нормальными. И никогда не будет считать.

Они стали другими.

Навсегда.

Де Ларс поднялся на три ступеньки, остановившись на середине пути к трону, и обвёл зал медленным взглядом, разглядывая штандарты лож, эмблемы магических мастерских и флаги наиболее знатных родов. И рыцарей, облачённых в парадные одежды классического образца: ни одного костюма современного кроя, только плащи, камзолы, сапоги и оружейные пояса. И полная тишина в тронном зале – рыжие понимали, что услышат нечто очень важное, и не мешали де Ларсу собраться с мыслями.

– Гордая Чудь! Гордая, храбрая Чудь! Я обращаюсь к тебе, а значит, – к каждому из нас! К каждому рыцарю, а значит, – к себе. Я стою перед вами, братья, и говорю – для вас и для себя. Я говорю о том, что мы всегда были свободными. Всегда сильными. И всегда жили так, как считали правильным. Мы отвечали ударом на удар и добивались всего, чего хотели! В нашей истории было много побед и много тяжёлых дней. Мы падали и снова поднимались, чтобы идти вперёд. Только вперёд – к новым победам. К нашей славе!

Де Ларс выдержал паузу. Машинально. Потому что в подобных моментах чуды всегда начинали кричать, поддерживая оратора, однако промолчали: одни – потому что послушно ждали продолжения речи, другие – потому что не хотели выражать эмоции. Поэтому пауза получилась глупой и неловкой.

– Сейчас мы переживаем трудный период. Великий магистр де Гир покинул Тайный Город, и есть серьёзные основания подозревать, что он совершил преступление, что он виновен в смерти мастера войны де Лаэрта. Я не знаю, так ли это. Я не знаю, что побудило де Гира убить мастера войны и бежать из Замка. Возможно, у него были веские причины. Возможно, де Гир сошёл с ума. Я не знаю, но сделаю всё, чтобы узнать правду и восстановить справедливость! Если Франц де Гир виновен – он понесёт наказание!

На этот раз его поддержали – кто-то выкрикнул: «Да!», кто-то засвистел. Однако для большого тронного зала такой поддержки было явно маловато, и возгласы быстро затихли.

– Братья! Бегство Франца де Гира не только вызывает вопросы, но требует от нас принять решение о власти. Орден не может и не должен быть неуправляемым!

– А что говорит закон?! – осведомился один из командиров войны.

– Пусть скажет закон! – поддержал его исполняющий обязанности магистра Мечей.

– Пусть будет закон!

– Закон гласит, что мы обязаны выбрать походного магистра! – На взгляд де Ларса, должность называлась весьма неудачно, однако чуды всегда отличались воинственностью, а не утончённостью, названия выдумывали прагматично, не задумываясь о красоте слога, да и переписывать привычный устав никто не собирался. Название, каким бы корявым оно

ни было, не имело значения, потому что походный магистр получал полную власть над Орденом и одновременно занимал должность капитана гвардии, что существенно упрощало стоящую перед Барсом задачу.

– Да!

– Пусть скажет закон!

– Нам нужен походный магистр!

Кричали обращённые, которые точно знали, когда и как нужно поддерживать де Ларса. Остальные молчали, но сейчас это всех устраивало: главное, чтобы не протестовали.

– Тогда давайте проведём выборы, – согласился де Ларс и скромно сошёл в зал.

В тронном зале вновь возникла пауза: чуды принялись оглядываться, выискивая самого старого из присутствующих. Нашли – им оказался Ян Орин, один из мастеров Бестиария – и попросили подняться на подиум. Старик, разумеется, был готов к такому развитию событий и сразу взял быка за рога:

– Я не стану отнимать ваше время и скажу просто: нам нужен магистр! Орденому нужен магистр! Кто-то должен принимать решения и брать на себя ответственность за их исполнение. Кто-то должен стать главным в эти трудные дни, стать тем, кто поведёт за собой великую Чудь. И оглядываясь вокруг, я вижу только одного рыцаря, способного сплотить нас, – это командор войны де Ларс. Я верю ему. Я видел его в бою и знаю как командира. Я не сомневаюсь в его честно-

сти и благородстве. И я предлагаю Барса де Ларса на пост походного магистра. – Выдержал паузу, позволив прозвучать одобрительным выкрикам, и продолжил: – Кто-нибудь хочет предложить другую кандидатуру?

Возникла короткая пауза, после чего Эдуард фон Кок сделал шаг вперёд:

– Я считаю, что командор войны Морон достоин должности походного магистра не меньше, чем де Ларс.

Его тоже поддержали, но гораздо тише.

– Я принимаю кандидатуру Морона, – кивнул старик. И вновь обратился к собранию: – Есть другие желающие предложить себя или своего друга на пост походного магистра?

Тишина.

Обращённые свою роль сыграли – обеспечили де Ларсу «технического» соперника, а нормальные принимать участие в фарсе не рисковали.

– Если кто-нибудь знает причину, по которой Барс де Ларс или Густав Морон не могут претендовать на пост походного магистра, пусть он назовёт её сейчас.

Тишина.

Несколько секунд Орин вслушивался в неё, после чего поднял правую руку:

– Объявляю открытое голосование!

Главное преимущество выборов походного магистра заключалось в том, что не требовалось присутствие всех или большинства чудов. Это ведь поход! Поэтому учитывались

только голоса присутствующих. В боевых условиях данное правило имело глубокий смысл: если отряд или целая ложа оказывались вдали от основных сил и по каким-то причинам теряли главного командира, они должны были выбрать походного вожака. И выбирали те, кто в данный момент мог и должен был выбирать. Сейчас же простота назначения походного магистра оказалась на руку тем, кто решил перехватить власть.

– Пусть поднимут руки те рыцари, которые хотят видеть своим вождём Барса де Ларса!

И Барс вздрогнул, увидев, сколько чудов его поддерживает. На мгновение... всего на одно мгновение ему стало по-настоящему хорошо. Он забыл о происходящем и почувствовал прилив гордости – за себя.

На мгновение.

– Теперь пусть скажут своё слово сторонники Густава Моруна.

Меньше. Много меньше. Старик всё равно пересчитал голоса, как того требовал закон, однако ещё до того как он закончил, среди сторонников де Ларса началось ликование. А когда Орин объявил:

– Наш новый походный магистр! – рыцари не удержались – бросились к Барсу, подхватили на руки и понесли по залу. Пока – не на трон. Но только пока. Понесли, смеясь и крича. Признавая его вожаком и готовые служить... Но ему ли? Ведь он просто возглавил Орден.

«К происходящему можно относиться как угодно, однако все побывавшие на церемонии журналисты, включая независимых блогеров, отметили, что выборы походного магистра Ордена прошли со скрупулёзным соблюдением древних законов, и Барс де Ларс стал временным главой Ордена по всем правилам. И может с полным основанием требовать от чудов исполнения своих распоряжений. Первым указом походный магистр приказал провести тщательное расследование обстоятельств смерти капитана гвардии де Лаэрта и исчезновения Франца де Гира...»
(«Тиградком»)

«Чудь обрела временного лидера! Законность проведённого голосования не вызывает вопросов – оно прошло при свидетелях, в том числе на церемонии присутствовали представители Зелёного Дома, однако сам факт скоротечного проведения выборов оставляет неприятный осадок. Никто не знает, кто убил капитана де Лаэрта и почему бежал Франц де Гир. Формально великий магистр не смещён, поскольку нет доказательств его преступных действий, то есть в настоящий момент де Гир остаётся законным главой Великого Дома, и в Чуди официально установлено двоевластие...»

В обычное время, то есть когда Источник магической энергии работал в нормальном режиме, охота за беглецами представляла собой увлекательное противостояние, сюрприз в котором могли преподнести обе стороны: одни делали всё, чтобы найти, другие – чтобы не попасться. А поскольку и охотники, и добыча работали на стыке магических и самых современных человеческих технологий, схватка требовала не только осторожности, но ума и знаний.

Охота всегда начиналась с поиска по генетическому коду – самой быстрой возможности выйти на след жертвы: имея образец ДНК, маги строили заклинание, позволяющее с высокой точностью определить местонахождение его обладателя. Укрыться от поиска можно было двумя способами: повесив на себя «пчелиный рой» – в этом случае на заклинание отзывалось множество ложных целей, либо закрыться – эта возможность была доступна исключительно сильным магам. Следующим шагом охотники запускали поиск с помощью системы распознавания лиц и голоса – специалисты Тайного Города могли подключиться к любой сети слежения, однако беглецы не забывали прятаться от видеокамер с помощью «накидки пыльных дорог», а самые разумные из них применяли изменитель голоса. Одновременно вёлся глобальный

поиск по документам, кредитным карточкам, телефонам – но от всего этого было принято избавляться до начала погоны.

Однако из-за экономии энергии от магических способов охоты пришлось отказаться, современные ловушки де Гир и его спутники умело обходили, и поэтому фон Коку и Морону пришлось в первую очередь опираться на сообщения агентов и живущих за пределами Тайного Города вампиров.

– Докладывают об инциденте в Стамбуле. Кто-то ограбил инкассаторский броневик с помощью магии.

– Кто-то? – удивлённо переспросил Морон.

– Вампиры подозревают Красных Шапок, – ответил фон Кок, проглядывая появляющиеся в мессенджере сообщения. – Говорят, точно видели одного в полной кожаной сбруе, включая бандану на котелке.

– Как дикарей занесло в Стамбул?

– Сбежали от воображаемых репрессий.

– Их же никто не трогал.

– А им и не надо, – рассмеялся фон Кок. – Они увидели, что некоторые жители Города начали уезжать, и собезьянничали.

– Идиоты.

– Дикари, – поправил друга Эдуард. И дочитав последнее сообщение, добавил: – Но кровососам они навалили.

– Быть того не может.

– Кровососы честно признались, что попытались их до-

гнать, но потерпели неудачу.

– Значит, там были не только дикари, – сделал вывод Морон.

– Думаешь, нужно проверить?

– В Стамбуле были не только дикари, но там точно не было де Гира, – покачал головой Густав. – Во-первых, он не станет связываться с Шапками, во-вторых, не станет грабить инкассаторов – деньги у него есть.

– Это точно.

– Так что пусть вампиры сами ищут своих обидчиков.

– Засекли двух шасов в Нью-Йорке, – прочитал фон Кок следующее послание.

– Всего двух? – притворно изумился Морон.

– Да, глупое сообщение, – поддержал шутку Эдуард.

– От кого поступило?

– От зелёных.

Ведьмы помогали рыцарям искать де Гира, однако рыжим иногда казалось, что над ними издеваются, поскольку многие доклады вызывали недоумение.

– Операторы Зелёного Дома отслеживают межконтинентальные порталы?

– Говорят, в последнее время их немного.

– Странно, – протянул Густав. – После того, как навы заперлись в Цитадели, их вассалы бегут из Города толпами.

– Но предпочитают уезжать обычным транспортом, – объяснил фон Кок. – Как раз для того, чтобы не привлекать вни-

мание. — Он выдержал паузу. — Да и вряд ли де Гир будет часто пользоваться порталами. А когда придётся — тщательно его замаскирует.

— И нам остаётся ждать, когда его сдадут...

— Единственная надежда, — согласился фон Кок.

Он просто не мог поступить иначе.

И даже не понимал, что делает что-то плохое? — нет! Он точно знал, что его прямая обязанность — выследить Франца де Гира и доложить об этом в Замок. Мятежник и предатель, бросивший вызов Ярге, должен быть наказан.

Никаких сомнений. Никаких угрызений совести.

Лейтенант гвардии Пол Честер считал себя абсолютно правым.

Пол и ещё несколько преданных Ярге чудов получили особое задание — присоединиться к беглецам из Тайного Города, изображая верность преступному магистру, и ждать, когда де Гир выйдет на связь с их группой. Пол был горд тем, что выбран для столь ответственного поручения, и переживал только об одном — что кто-то из его коллег выйдет на великого магистра раньше. Но Честеру повезло: всего лишь на третий день пребывания в Италии им сообщили, что планируется встреча...

– В Италии? – переспросил Морон.

– Да, – радостно подтвердил фон Кок. – Окрестности Римма.

– Отличный выбор.

– Ну... наверное. – Эдуард скептически посмотрел на напарника. – Ты уверен, что тебе это нужно?

– Абсолютно! – кивнул Морон. – Давно хотел выгулять Ромашку. Застоялась...

И ответил он с таким энтузиазмом, что фон Коку оставалось лишь развести руками.

Объявлять общую тревогу, разумеется, не стали – зачем? Получив сообщение от Честера, командоры войны подняли свою группу, составленную из преданных сторонников Яр-ги, и приготовились строить портал. Естественно, тщательно замаскированный. Открыть его должны были во дворе, и Морон появился на месте сбора верхом на виверне. Что и вызвало недоумение Эдуарда.

– Зачем?

– Де Гир – не мальчик, Эдди, он был капитаном гвардии, а потом стал великим магистром, – серьёзно ответил Густав. – С ним будут его приспешники, среди которых есть командоры войны. У нас отличная команда, но виверна нам точно не помешает.

– Может, возьмём стаю?

Несколько секунд Морон внимательно смотрел на фон Кока, после чего сухо ответил:

– Достаточно Ромашки.

И повёл виверну в открывшийся портал.

– Я не могу ничего доказать, но вы всё знаете и без меня. Вы знаете, что Гуго де Лаэрт был мне как брат. Мы вместе служили в гвардии, плечом к плечу сражались с врагами Ордена, он поддерживал меня всегда и во всём, и я с радостью назначил его капитаном гвардии. Не потому, что он был мне как брат, а потому, что Гуго был сильным воином и талантливым боевым магом. Он был оплотом Великого Дома Чудь, и поэтому его убили те, кто пожелал меня сместить. – Франц обвёл присутствующих медленным взглядом. – В Ордене произошёл переворот. Чуть раньше это случилось с Зелёным Домом, а теперь – с нами.

Они встретились в спортивном зале одной из местных школ: навели морок, заставив члов не слышать и не видеть происходящего, и потому не стеснялись, говорили громко и страстно. Девять рыцарей, беглецов из Тайного Города, с ними шесть женщин и де Гир – они общались в зале, а два помощника великого магистра остались снаружи – наблюдать за происходящим и прикрывать встречу от магического ска-

нирования.

– Что происходит? – крикнул Честер, не понимая, почему до сих пор не явился ударный отряд.

– Кто-то хочет подмять под себя Тайный Город, – ответил Франц.

– Весь?

– Весь.

– У него есть средства?

– Он способен превратить злейшего врага в верного подданного.

– Каким образом?

– С помощью особого заклинания.

– Поэтому навь заперлись в Цитадели?

– Да.

– Почему не заперлись мы?

– Потому что... я не ожидал, что станет настолько плохо.

Я виноват. Виноват перед вами... и всей Чудью.

– Ты не виноват!

– Это всего лишь ещё одна война!

– Мы прорвёмся!

– Чудь снова будет свободной!

А в следующий момент дверь в физкультурный зал слетела с петель.

Они не собирались, да и не имели права его убивать – ведь на кону стоял Карфагенский Амулет. Источник Великого Дома Чудь исчез, его требовалось вернуть любой ценой, а значит, де Гир был нужен живым и способным отвечать на вопросы. Но он был великим магистром, магом огромной силы, пленить его было задачей нетривиальной, и именно поэтому фон Кок и Морон решили нанести удар во время встречи с верными чуждами. Им нужен был инструмент давления на великого магистра.

Надёжный инструмент.

Они идеально замаскировали грузовой портал, и стоящие в охране рыцари не успели ни остановить нападающих, ни предупредить своих... Одного пронзила «эльфийская стрела», второй успел закрыться «щитом», но подать сигнал не успел. Да он и не требовался – сигнал, – потому что о нападении Франц узнал в следующее мгновение: «стрелы» послал фон Кок, а Морон вломился в зал через выбитую стену и заорал:

– Де Гир! – И вид скалящейся Ромашки показал, что ловушка захлопнулась. – Де Гир!

Спортивный зал накрыло искажающее поле, сделав невозможным строительство спасительных порталов? и оставалось лишь одно – сражаться.

Или сдаваться.

– Нам нужен де Гир! – громко заявил Морон, твёрдой рукой удерживая рычащую Ромашку. – Остальные могут быть свободны и вернуться в Тайный Город когда им заблагорассудится.

И замолчал, понимая, что сейчас нужна пауза. Ошарашенные чуды должны оценить происходящее, посмотреть на окруживших их рыцарей: сопровождавшие Морона воины вошли в спортивный зал через разбитую дверь и выстроились позади виверны. Десяток готовых к сражению боевых магов. Видящих перед собой не чудов, но врагов. Пусть сторонники де Гира поймут, что сопротивление бесполезно.

И несколько секунд тактика работала: растерянные чуды прижались к дальней стене, закрыв собой женщин, обозначили готовность к бою, но только обозначили – было видно, что неожиданное появление охотников произвело на рыжих сильное впечатление.

И даже де Гир заколебался. Заколебался, Морон отчётливо это видел. Франц понял, что если вырвется он – потратив свою силу только на себя, де Гир мог рассчитывать на удачный прорыв, – Густав прикажет убить всех его сторонников, и не желал этого.

Несколько секунд тактика работала, а затем один из чудов сделал шаг вперёд и громко спросил:

– Зачем вам великий магистр?

И растерянность их покинула. И это Густав тоже увидел

– чуды правильно оценили происходящее, но не испугались, а разозлились.

– Франц де Гир совершил преступление.

– Преступление совершаешь ты, командор войны Морон – тем, что преследуешь великого магистра по приказу чужаков.

– Франц де Гир совершил преступление и должен...

– Не вешай нам лапшу на уши!

– Мы знаем, что происходит!

– В Ордене переворот!

– Это вы убили Гуго!

– Давайте послушаем, что нам скажут! – предложил Честер, за что был немедленно награждён непонимающими взглядами. Однако подозрений он не вызвал – чуды решили, что славящийся благоразумием Честер по привычке предлагает искать компромисс.

– Если де Гир невиновен – ему нечего опасаться возвращения. – Теперь Густав смотрел Францу в глаза. – Если тебе нечего скрывать...

– А тебе есть что скрывать, рыцарь Морон? – в тон ему произнёс Франц.

– Мне – нет, – мгновенно ответил Густав.

– И ты согласен пройти проверку ауры? Здесь. При всех.

– Ты не в том положении, чтобы ставить условия.

– Я не ставлю условия, командор войны Морон. Я просто хочу знать, чьи приказы ты исполняешь.

– Я служу закону.

– Тогда давай проверим твою ауру. Если ты служишь Яр-ге, мы увидим на ней чёткий отпечаток.

– Я...

Нападать Густав не собирался, его абсолютно устраивал ход разговора: чем дольше они стоят друг напротив друга, тем сильнее сторонники де Гира убеждаются в бессмысленности сопротивления, тем ниже их моральный дух и тем больше шансов на то, что они сдадутся. Густав был уверен в благополучном исходе операции, но... Но не подумал о том, что находящийся среди сторонников де Гира Честер понятия не имеет, что делать дальше. Честер искренне считал де Гира врагом Ордена, заслуживающим смерти предателем и сильно удивлялся тому, что Морон не атакует, а ведёт переговоры. Затем Честер сообразил, что Густав боится задеть «одурченных» де Гиром чудов, восхитился проявленным благородством и понял, что способен закончить глупое противостояние. Одним точным ударом. Одной-единственной «эльфийской стрелой»: затылок Франца всего-то в паре ярдов – идеальная мишень, даже целиться особо не надо.

И Честер делает глупость.

Честер скидывает руку, одновременно активируя наде-тый на палец боевой перстень. Всё его внимание сосредото-чено на де Гире, и Честер не видит, что движение замечают – стоящая рядом чуда вскрикивает и толкает его под руку. «Эльфийская стрела» обжигает Францу ухо и с шипением

вонзается в горло одного из рыцарей Морона.

Кровь пролилась, и теперь глупо кричать о случайности. Не потому что невозможно остановить сорвавшихся с цепи бойцов, а потому что глупо. Ведь кровь пролилась. И её запах туманит голову...

«Эльфийская стрела» с шипением вонзается в горло одного из рыцарей Морона. Почувывая огонь виверна встаёт на дыбы, мешая Густаву крикнуть: «Нет!» А фон Кок, который должен был не допустить драки, не кричит – фон Кок был готов к сражению и, не раздумывая, посылает во врагов поток огня. А четверо рыцарей – двое слева, двое справа – бросаются в рукопашный, врубаются в толпу с обнажёнными мечами...

– Стой! – орёт Морон, но его никто не слышит.

И никто его не слушает, даже Ромашка: горячая виверна бросается вперёд, намереваясь вцепиться в ближайшего чуда, и в спортивном зале начинается бойня.

Честер бьёт кинжалом женщину, которая испортила выстрел, и через секунду погибает сам – от удара в сердце. Франц пытается поставить защиту, но врагов очень много, их удары разнообразны, и великий магистр понимает, что его продавливают. Просто продавливают, ведь он лишён главного козыря – возможности прямого подключения к Источнику, чтобы превзойти врагов даже не на голову – на десять голов. Без Источника де Гир просто очень сильный маг, опасный, но уязвимый, которого можно взять количеством,

без Источника он...

Он не может спасти своих сторонников. Никого из них.

Не может остановить побоище, потому что кровь – сильнейший наркотик. Дурманит быстро и надолго... дурманит до тех пор, пока не упадёт последний враг... пока не появится упоительное ощущение полной, окончательной победы.

А Франц ничего не может...

Мечи против мечей. А ещё – кинжалы, стилеты и боевые жезлы. Магические щиты, которые пробивают магические клинки. Рычание и крики. К первому десятку присоединяются пятеро бойцов из резерва, и сторонники де Гира понимают, что долго не протянут. Но не сдаются. Не хотят. Умирают, но не хотят – бьются яростно, за себя и своего магистра, за свой Орден, за то, что считают правильным. Бьются, видя, что де Гир не бежит, а сражается вместе с ними – в первом ряду. Бьются, понимая, что надежды нет. Просто бьются – раз уж так сложилось. Бьются...

И надежда появляется.

Даже не надежда – спасение.

В тот самый миг, когда от партии великого магистра остаётся меньше половины... когда осатаневшие от крови рыцари готовятся рубить их на части... когда виверна издаёт победительный вой, предчувствуя большой пир... Спортивный зал накрывает чёрное поле. Невидимое, но чёрное – навское поле. И поле очень мощное – созданное магом, напрямую подключившимся к Источнику и ударившим по арканам чу-

дов с такой силой, что развеивает их в пыль. Неизвестный спаситель ломает искажающее поле, заменяя его своим, настолько хорошо замаскированным, что наблюдатели Ордена на мгновение решают, что у сражающихся в спортивном зале воинов закончилась магическая энергия. А когда понимают, что их переиграл кто-то невероятно сильный, становится поздно: в спортивном зале взрывается комок принудительных порталов, раскидывая убивающих друг друга чудов по разным континентам...

- Это было очень глупо.
- Они попросили, и я не мог не встретиться с ними.
- Глупо не проверять ауру проходящих.
- Я не могу демонстрировать подданным такое недоверие.
- Тем, кто погиб сегодня, безусловно важны ваши принципы, Франц.

Замечание прозвучало очень мягко и потому – невероятно жёстко. Резануло по душе раскалённым докрасна скальпелем, заставило вздрогнуть, но... не заставило ответить – де Гир знал, что собеседник прав.

Абсолютно прав.

– Создаётся впечатление, что Тёмный Двор готовился к подобному развитию событий, – негромко произнёс великий магистр, мягко меняя тему.

– С того дня, как стало ясно, что Ярга вернулся, – не стал скрывать Сантьяга.

– Догадывались, что он вас переиграет?

– Знали, что он переиграет вас.

– Вы всегда ставите против нас.

– Всегда ставим на вашу слабость.

– И никогда не ошибаетесь.

– Увы. – Сантьяга помолчал, задумчиво рассматривая на просвет бокал с красным. – Но в данном случае ошибиться было невозможно.

– Потому что мы говорим о бывшем князе Нави? – не удержался де Гир.

– Потому что мы говорим о первом князе Нави, – спокойно уточнил комиссар Тёмного Двора. – Мы говорим о том, кто вытащил Навь из ада родной планеты, повёл в совершенно безнадежную войну против асуров и победил в ней.

– Но потом он проиграл, – напомнил Франц. – Нави.

– И потому так сильно жаждет реванша.

Мужчины помолчали, глядя друг другу в глаза, после чего де Гир спросил:

– Ваша оценка?

– События развиваются по наихудшему сценарию, – не стал скрывать Сантьяга.

– И что вы делаете?

– Притворяюсь мёртвым.

Они оба знали, что великий магистр спрашивает о другом

– его интересовали планы Тёмного Двора, но комиссар показал, что делиться ими пока не собирается, и де Гир принял правила игры.

– Как у вас получилось обмануть Яргу?

– Это было сложно. И мне... – Комиссар запнулся. – Мне пришлось умереть.

– Сымитировать смерть?

– Можно сказать и так, – после небольшой паузы кивнул Сантьяга, который не испытывал желания вдаваться в подробности.

– Я благодарен за то, что вы не стали скрывать от меня своё... Своё счастливое воскрешение.

– У меня нет оснований не доверять вам, Франц. И своим появлением я показал, что Тёмный Двор играет честно – с вами. Ведь если случится так, что вы окажетесь в руках Ярги, наш план рухнет.

– Я постараюсь не оказаться в руках Ярги, – тихо ответил де Гир. – Я знаю, что произойдёт в этом случае и... И я считаю, что лучше умереть.

– Мы все так считаем, – в тон ему произнёс Сантьяга.

– Тогда чего мы ждём? – с неожиданным жаром поинтересовался Франц. – Почему затаились?

– Мы не ждём, а организуем полноценное Сопротивление новому порядку.

– А не лучше сразу ударить?

– По кому? – негромко спросил Сантьяга, и великий ма-

гистр осёкся.

Помолчал, попытался выдвинуть аргумент:

– Каждое мгновение Ярга обращает кого-то в своего сторонника. В преданного раба... и сегодня я видел, как его слуги убивали женщин. Своих женщин, в жилах которых текла такая же кровь. И теперь... – Франц вновь посмотрел в чёрные глаза Сантьяги. – Я больше не испытываю к ним жалости.

– «Слово князя» очень сложный и трудоёмкий аркан, – медленно ответил комиссар Тёмного Двора. – По нашим оценкам, Ярга не способен произносить его чаще одного-двух раз в день. Да и вряд ли сейчас у него есть время заниматься обращением на регулярной основе.

– Зато он обращает лучших, – угрюмо произнёс великий магистр. – Самых сильных магов.

– Они предпочли покинуть Тайный Город.

– Он обращает других...

– Когда Ярга умрёт – у обращённых исчезнет объект обожания.

– И чары рассеются?

– Нет, конечно. Но идол будет повержен, а им придётся как-то жить дальше. Будут грустить по нему – в глубине души, но жить дальше.

– Хотите сказать, что они перестанут представлять угрозу? – прищурился великий магистр.

– Во-первых, у них исчезнет знамя, – объяснил комис-

сар. – Во-вторых, исчезнет лидер. Их рулевой. А сами по себе они... немного туповаты, как вы наверняка заметили. И просто-напросто не смогут организовать серьёзную фронду.

С этим невозможно было не согласиться, но поскольку де Гир не рассматривал происходящее под таким углом, ему потребовалось время на раздумье.

– Уничтожим самых одиозных, – бесстрастно продолжил Сантьяга. – Остальные умрут сами. Однажды.

– Тогда почему не атаковать сейчас? – повторил де Гир.

Чем вызвал у комиссара некоторое удивление – Сантьяга рассчитывал, что собеседник сам просчитает причину странной на первый взгляд заминки. Тем не менее ответ прозвучал:

– По той причине, по которой у нас существуют три Великих Дома, Франц.

– Источник... – пробормотал великий магистр, коря себя за недогадливость.

– Да, Франц, – мы не спешим из-за Источника магической энергии. Сейчас Ярга полностью контролирует Колодец Дождей, а значит, почувствовав, что проигрывает, он использует Источник в качестве последнего оружия. Или орудия шантажа.

– А вы...

– Мы заинтересованы в безусловной гибели первого князя. Поэтому сейчас будем действовать на тактическом уровне так, как действовал сам Ярга: обложим его со всех сторон

и доберёмся до Колодца Дождей. Нам нужно выбить из его рук это оружие.

— А до тех пор...

— А до тех пор, Франц, вы продолжите собирать своих сторонников и поддерживать в них огонь веры в нашу победу.

* * *

«В последние несколько минут нам начали поступать сообщения о том, что Франц де Гир совершил очередное преступление. На этот раз жертвами кровавого магистра стали покинувшие Тайный Город чуды. Во время встречи они принялись задавать де Гиру неллицеприятные вопросы о смерти Гуго де Лэрта, чем вызвали его гнев, приведший — по непроверенным пока данным — к кровавому побоищу...»
(«Тиградом»)

«Жуткая бойня в окрестностях Рима! Каратели Барса де Ларса выследили и атаковали покинувших Тайный Город чудов, не жалея ни эсенин, ни — по непроверенным пока данным — детей. Предупреждение: документальное видео, которое мы прикладываем к новости, содержит сцены жестокости и насилия. Но мы считаем, что вы должны увидеть, как поступают каратели де Ларса с теми, кто не принял его власть...»
(«MG online»)

– Ещё раз: как называется это место? – уточнил Копыто, оглядывая незнакомые улицы незнакомого города, по которым его тащили спутники.

– Париж, – коротко ответил Лебра, поскольку Фатма демонстративно отвернулась. Девушка до сих пор злилась на бестолкового дикаря, и даже переезд в «город влюблённых» пока не растопил её сердце. То есть Фатма, конечно, обрадовалась, похвалила Лебру за выбор, и ночью они долго бродили по набережным Сены... Но с Копыто до сих пор держалась крайне холодно.

– Странное какое название, – прокомментировал уйбуй. – Но я его где-то слышал.

– В книжке? – не подумав, ляпнул шас.

– Может, и в книжке, – не стал отрицать Копыто и раскрыл учебник, который теперь постоянно таскал с собой. Судя по всему, это была единственная книжка, которую он пытался читать после азбуки. – Кажется, где-то здесь...

Возможно, в недрах турецких описаний арифметических действий бравому уйбую и в самом деле попадалось похожее на слово «Париж» сочетание букв, однако выяснять это Лебра не стал: выдернул из рук Копыто учебник, сунул ему же за пояс и коротко сказал:

– Опаздываем.

– Куда? – поинтересовался любознательный дикарь.

– По делу.

– Будешь учить меня воровать большие деньги через компьютер?

– Буду учить тебя тратить большие деньги.

– Это я умею, – осклабился Копыто. – Я в «Средстве от перхоти» столько тратил, что самому потом страшно делалось. Вот, помню, на остатки доходов с вискокурни...

– Тратить с умом, – уточнил шас, не позволив собеседнику углубиться в дебри воспоминаний.

Лебра надеялся, что Шапка заткнётся, однако услышанное слово «ум» заставило Копыто сменить тему и с надеждой попросить:

– Научи меня играть на бирже.

– Сначала на волынке.

– Почему на волынке?

– Она тоже унылая.

– Как игра на бирже?

– Как учить тебя.

Фатма хмыкнула. Копыто, который сначала хотел возмутиться ответом Лебры, хмыканье услышал и на всякий случай промолчал. Но меньше чем через минуту снова занудил:

– Куда мы идём?

– К одному шасу.

– В гости?

– Тратить деньги.

- В гости за деньги?
- За покупками.
- Зачем нам за покупками?
- Затем, что кое-кто потратил кучу чужих артефактов на глупые, не приносящие прибыль развлечения.
- Я не развлекался, а грабил и планировал получить прибыль, – важно ответил Копыто. И грустно добавил: – А деньги ты сам велел сжечь...

Кадир Хамзи, не самый известный, но достаточно успешный контрабандист магической энергии, выбрал для резиденции тихую улицу дю Платр в старом районе Парижа и обосновался на ней под видом скромного торговца сувенирами. Обосновался именно на ней, а не в Тайном Городе, что в общем было нехарактерно для специалистов его профиля. Как правило, контрабандисты предпочитали действовать наскоками: появлялись в нужном городе, встречались с контрагентами, заключали сделки и исчезали, не желая нарушать режим секретности. Конторы контрабандисты открывали в Москве, но Кадир оказался исключением. В своё время он влюбился в обыкновенную человеческую женщину, а затем – последовав за ней – и в Париж, совершая «налёты» на Тайный Город – за магической энергией и прочим необходимым товаром.

Дела Кадир вёл осторожно, контрагентов – челов, обладающих магическими способностями, но не знающих о Тайном Городе, – выбирал тщательно, являлся к ним строго под мороком, никогда не приглашал к себе и потому о том, что скромная лавка на рю дю Платье являла собой магазин подлинных колдовских устройств, было известно только жителям Тайного Города – лавка старого Кадира значилась во всех путеводителях, и путешественники частенько заглядывали к нему без дела, просто поболтать.

– Дай я на тебя посмотрю, сынок... Красавец... красавец... – Старик похлопал гостя по груди. – А братец твой таким же вырос или остался балбес балбесом?

– Таким же вырос, – улыбнулся Лебра. Они с близнецом частенько ругались, но то дела внутренние, семейные, а перед знакомыми Лебра всегда за брата вступался.

– Хорошо, если так, он всегда был умненьким. – Кадир перестал поглаживать дальнего племянника и мельком посмотрел на его спутников. Мельком. И кашлянул, намекая, что если есть серьёзное дело, его лучше обсудить наедине.

– Мы вместе, дядя Кадир, – твёрдо произнёс молодой шас.

– Я вижу. – Старик вернулся за прилавок и улыбнулся: – Какими судьбами в Париже?

– Путешествуем, – коротко ответил Лебра.

– В какой фазе?

– Оторвались от преследования.

– Молодец, – одобрил Кадир. – Надеюсь, не сильно поиз-

держался?

Хвастаться благосостоянием шасы не любили, наоборот, предпочитали приbedняться, поэтому ответил Лебра уклончиво:

– Бюджет у нас, конечно, не «газпромовский». – И горестно вздохнул.

Копыто открыл рот, собираясь напомнить о сожжённых в стамбульской ванне деньгах, но Фатма наступила дикарю на ногу, дав понять, что не следует мешать шасам вести дела.

– Я всегда говорил, что ты умный, – похвалил дальнего племянника старый контрабандист.

– Умный у нас Майно. А я смышлёный.

– Ну... если тебе удобно так думать... – Кадир повторно посмотрел на спутников Лебры. На этот раз – акцентированно. Чётко давая понять, что не в восторге от выбранной родственником компании.

– Это Копыто Шибзич. – Лебра кивнул на уйбуя.

– Решил продюсировать уличную преступность?

– Мы вместе бежали из Тайного Города.

– Бывает, что во время поспешного бегства теряют багаж.

– Багаж я потерял. А Копыто – со мной.

Шапка приободрился и зачем-то показал Кадиду учебник.

– Ну... ладно. – Старик поджал губы.

– А это Фатма. Моя невеста.

Девушка вздрогнула, но промолчала. Кадир же в лице не изменился – как стоял с поджатыми губами, так и продолжил

стоять ещё секунд десять. А затем вспомнил о собственном, сделанном много лет назад выборе – который тоже не понравился семье, вздохнул и спросил:

– Что тебе нужно, мой мальчик?

– Артефакты.

– Какие?

– В том числе – боевые. – Лебра улыбнулся: – Я знаю твои цены, дядя Кадир...

– Мои цены – для тех, кто не знает о Тайном Городе, – перебил его контрабандист. – А тем, кто из него бежит, я продаю товары по себестоимости.

– Что? – неожиданная фраза заставила Лебру вытаращиться на старого шаса.

– С минимальной наценкой, – уточнил Кадир. – И хватит тут лыбиться... говори, что нужно?

– Портал? – переспросил Барс.

– Если можно, – осторожно подтвердил Морон.

И по долгой паузе понял, что скорее всего нельзя.

Ну да, он не был виноват в том, что на помощь де Гиру явились навь. И даже представить этого не мог – ведь все считали, что тёмные не высовываются из Цитадели. А они высунулись. И не просто высунулись, а нанесли неожиданный удар, сорвав важнейшую операцию. Франц де Гир ушёл,

где Карфагенский Амулет по-прежнему неизвестно, и кто-то должен быть назначен дураком. Назначили одного из руководителей операции, что логично.

– Где ты сейчас?

– В Париже.

– Поехал развеяться?

– Пытался построить «коридор-двойник», но мне исказили координаты.

– То есть ты даже не представляешь, куда навыв перенесли де Гира?

– Понятия не имею.

– Возвращайся, – сухо велел Барс.

– Как?

– Как захочешь: возьми билет на самолёт или иди пешком – мне плевать. Вернёшься в Замок – доложишь.

В трубке раздались короткие гудки.

Густав убрал телефон и зарычал от злости. На себя, на де Ларса, на тёмных, на де Гира... На всех и вся. На то, что он оказался в Париже с небольшим запасом энергии и вынужден прикидывать, как им с Ромашкой возвращаться домой. Может, своим ходом? Морон посмотрел на виверну, с плотоядным интересом разглядывающую прохожих, и покачал головой: «Это на крайний случай». Из Парижа в Москву им придётся лететь двое суток, не меньше, а Густаву хотелось вернуться как можно скорее.

«Может, на грузовом самолёте? – А в следующий миг он

сообразил: – Контрабандисты!»

Предприимчивые шасы торговали магической энергией во многих городах мира, так почему бы им не оказаться в Париже?

Густав зашёл в базу данных Ордена, запустил поиск и через десять секунд получил адрес маленькой сувенирной лавки на тихой улочке дю Платр.

– Кадир Хамзи, – прочитал Морон и усмехнулся. И на его лице появилось примерно такое же выражение, с каким Ромашка разглядывала прохожих. – Ты сделаешь мне портал в Тайный Город, а заодно расскажешь, скольким беглецам из Тайного Города успел помочь...

– А у тебя точно хватит денег на эти милые безделушки? – задумчиво осведомился Кадир.

– Вы же сказали, что сделаете минимальную наценку, – мгновенно среагировал Лебра.

– Но ты не говорил, что собираешься скупить все мои запасы!

– Надо пользоваться моментом.

– Действительно – смыслённый. – Старик вздохнул. – Ты ведь понимаешь, что мне с каждым днём становится всё труднее и труднее поддерживать склад? Магическая торговля замирает, на рынке всё меньше энергии.

– Вы ведь понимаете, что всё, что я выбрал, – действительно необходимо для путешествия? – вежливо ответил Лебра. – И если вам трудно проводить закупки в Тайном Городе, то я в принципе не могу этого делать. Путь домой мне пока закрыт.

– Понимаю... – Кадир пожевал губами, хотел промолчать, но природа взяла своё, и старый контрабандист проворчал: – Поклянись, что не станешь перепродавать мои артефакты.

– Век прибыли не видать, – по-детски ответил Лебра, и шасы рассмеялись.

– Давай посмотрим, что ты отобрал...

К этому времени на прилавке образовалась изрядная горка «действительно необходимых в путешествии» устройств, среди которых были артефакты морока и порталов, маскировки, предупреждения, слежения, «батарейки» с энергией Источника Тёмного Двора и даже боевые жезлы. Кроме того, путешественники зарядили разряженные устройства, в том числе перчатку с «кузнечным молотом», которую Копыто наотрез отказался возвращать, сказав, что скорее умрёт, чем расстанется с «такой ценной штучкой». Спорить с ним не стали – чтобы не устраивать скандал, и заодно выдали дикарю «различитель» – очки, позволяющие смотреть сквозь морок, – Кадир сказал, что в крупных городах начали появляться ищущие беглецов патрули из вампиров и даже боевых магов. Услышав об этом, уйбуй немедленно нацепил «различитель» на нос. Но указывать ему на бессмысленную

трату магической энергии никто не стал – все понимали, что дикарь скучает. Сначала Копыто прислушивался к обсуждению артефактов и даже вставлял замечания, но, когда шасы принялись торговаться, заскучал и стал разглядывать лежащие на прилавке устройства. Понял, что стащить ничего не получится, уселся у входа и раскрыл учебник, заодно заявив, что «различитель» помогает ему понимать турецкий язык.

Но на это заявление никто не обратил внимания.

– Как будешь платить? – поинтересовался Кадир.

– А как вы хотите?

– Золотом.

– Физическим золотом не получится, – вздохнул Лебра. –

Но могу пополнить ваш металлический счёт.

И раскрыл ноутбук.

– Из какого банка?

– Вам не всё равно?

Естественно, старому контрабандисту было всё равно. Его интересовало другое:

– Счёт твой?

– Нет, конечно.

– «Хвост» не приведёшь?

– За кого вы меня принимаете?

– Режим секретности не нарушишь?

– За кого вы меня принимаете?

Лебра достаточно хорошо разбирался в программировании, чтобы похитить немного золота и остаться незамечен-

ным и для челов, и для ищущих его специалистов из Тайного Города.

– Тогда давай посчитаем, сколько унций золота ты мне задолжал...

Шасы есть шасы – они так увлеклись торговлей, что не сразу среагировали на звякнувший колокольчик. Копыто вообще его не услышал – он как раз изучал математические знаки «больше» и «меньше». А вот Фатма к посетителю повернулась. И замерла, не забыв тихонько выругаться.

– Вот уж не думал, что обнаружу тут целый выводок преступников, – рассмеялся Густав. – Если не ошибаюсь, вас ищет Зелёный Дом по обвинению в нападении?

– Мля... – простонал Копыто. – Что это?

– Это – командор войны Морон, – уныло рассказал Кадир.

– К вашим услугам. – Густав отвесил лёгкий, издевательский поклон.

Он полностью контролировал ситуацию. Знал, конечно, на что способна Фатма, но был уверен, что сумеет убить её до того, как девушка продемонстрирует свои способности. Фатма это поняла. И потому не двигалась.

– Вы что-то хотели? – пролепетал Кадир.

– Думаю, мне придётся кое о чём вас расспросить.

– Может, мы просто расстанемся? – тихо спросил Лебра. – Нас ищет Зелёный Дом, а не Орден.

– Не расстанемся, потому что Тайный Город считает вас преступниками...

Но закончить Густав не успел, и помешал ему в этом Копыто, совершивший маленький, но чрезвычайно необходимый подвиг.

Естественно, командор войны видел сидящего у стенки уйбуя, и, естественно, чуд не принял его во внимание, поскольку нормальный дикарь скорее удавился бы, чем рискнул связываться с боевым магом высочайшего уровня. Густав смотрел на Фатму, которая могла в любой момент обернуться тем, кто она есть, смотрел на шасов, рядом с которыми возвышалась горка опасных артефактов, а Копыто рискнул. Взял и рискнул. Убедившись, что Морон на него не смотрит, дикарь осторожно натянул на руку перчатку и, выбрав момент, врезал командору войны «кузнечным молотом». Густав пролетел через весь магазин и впечатался в противоположную стену, а Копыто с воплем бросился... Нет, не добивать противника, а на улицу, намереваясь как можно быстрее оказаться как можно дальше от поймавшего их чуда, но оказавшись на тишайшей рю дю Платр, перепуганный уйбуй завизжал ещё сильнее, поскольку прямо у дверей сувенирной лавки припарковалась недовольная виверна.

Завалить командора войны «кузнечным молотом» было нереально. Удар Густав пропустил, но реакция его не подвела – за сотую долю мгновения до того, как он взмыл в воздух,

Морон успел активировать «щит», который спас его от множества переломов, однако головой об стену приложился и на пару секунд потерял ориентацию. И этими секундами присутствующие воспользовались как умели: Кадир нырнул в подсобку и запустил режим «крепость», спрятав себя, любимого, от страшного посетителя; Лебра машинально бросился на раздавшийся с улицы крик – спасти бестолкового дикаря; Фатма же сгребла с прилавка артефакты – скорость позволяла ей позаботиться о том, ради чего они явились в лавку, – и только затем последовала за любимым... И застала его в напряжённый момент: Лебра рванул на себя уздечку, отворачивая оскаленную пасть виверны от приготовившегося к смерти уйбуя. Челюсти клацнули в дюйме от лица Копыто, виверна увидела новую цель – негодяя, помешавшего ей откусить добыче голову, однако в следующий миг испуганно крикнула и взмыла в воздух – Фатма выскочила из лавки уже в «боевой шкуре».

Взлетая, она дёрнула головой, и шас, который продолжал держаться за уздечку, взлетел и чудом оказался в седле.

Если бы Фатма могла говорить, она бы выругалась.

Но в «боевой шкуре» голосовые связки моряны были способны лишь на рычание и рёв, и увидев, что Лебра взлетел, Фатма вцепилась в хвост виверны.

– Ромашка! – выскочивший на улицу Морон топнул ногой. – Куда?! Стой!

Но перепуганная виверна его не слышала. Она резко на-

брала высоту и взяла курс на реку. Не специально, просто нужно было куда-то лететь.

Закливание левитации требовало очень много энергии, подходящих артефактов под рукой не было, поэтому Густав просто побежал по улице, стараясь не упустить из виду летящую тварь.

А пришедший в себя Копыто тихонько огляделся и направился к выроненной Фатмой сумке с артефактами.

Вы когда-нибудь летали на виверне?

А на чужой виверне?

А на виверне, в хвост которой вцепилась чёрная моряна в «боевой шкуре»?

А Лебра – летал.

И даже ухитрился удержаться в седле. Однако на большее его не хватило – управлять опасной тварью он не мог при всём желании. И никто не смог бы, поскольку перепуганная Ромашка, по длинному хвосту которой ползла моряна, абсолютно потеряла над собой контроль. Набрав высоту, она закричала, несколько раз тряхнула хвостом, надеясь сбросить Фатму, а поняв, что моряна вцепилась крепко, – стала изворачиваться, пытаясь достать оборотня клыками. Но крыльями махать не забывала, и потому чешуйчатые тела двух монстров извивались, но не падали.

И даже извивались недолго: виверна не сразу сообразила, как удобнее дотянуться до моряны, а когда сообразила, нацелившись перекусить Фатму напополам, – получила по морде когтистой лапой и взвыла ещё громче. Впрочем, получила не один раз: быстрая моряна располосовала твари всю морду и заметив, что виверна стала махать крыльями слабее, ускори-лась, быстро добралась до Лебры и выдернула его из седла.

– Зачем? – попытался спросить шас, но ответа, разумеет-ся, не последовало.

Виверна как раз пролетала над Сеной, до противополож-ного берега оставалось совсем немного, и Фатма приня-ла единственно возможное решение: прыгнула в воду, по-ка крылатое чудовище вновь не оказалось над землёй. Па-дать было невысоко, всего-то сотни полторы футов, а «бое-вая шкура» помогла не только девушке, но и уберегла Лебру, которого Фатма обхватила и лапами, и хвостом.

Они рухнули в воду, вызвав мощный взрыв брызг, надёж-но скрытый мороком. А меньше чем через минуту огромное, но невидимое обычным челам тело упало на бульвар Сен-Жермен.

«Ромашка...»

Артефакт морока продолжал действовать, поэтому со-бравшиеся вокруг сплющенного автомобиля челы строили

самые фантастические предположения о причинах аварии. В которой, к счастью, никто не пострадал. Кто-то говорил, что над городом пролетал вертолёт, и подвешенный к нему контейнер резко опустился, раздавив машину, а потом так же резко поднялся, и вертолёт улетел; кто-то шептал об испытании нового тектонического оружия; кто-то шутил о Годзилле. И никто не видел, что на зелёный «Пежо» упала Ромашка. Упала уже мёртвая, отравленная ядом чёрной моряны... верная Ромашка, побывавшая с Густавом во множестве передряг.

«Ромашка...»

Морон наклонился, закрыл виверне глаза, оглядел благо-разумно не приближающихся к месту странной катастрофы челов и достал телефон:

– Служба утилизации? Париж, бульвар Сен-Жермен, необходимо срочно пресечь возможное нарушение режима секретности.

– Что случилось?

– Убита виверна.

– Морок?

– Действует.

– Будем через три с половиной минуты.

Морон подумал, не позвонить ли в Замок, но решил, что всё равно придётся идти на доклад, и убрал смартфон. И подумал, что вопрос возвращения решился сам собой: воспользуется порталом Службы утилизации.

На мёртвую виверну он больше ни разу не посмотрел.

– Летали как фанера над Парижем?

– И шуршали тоже, – буркнул Лебра, недружелюбно разглядывая улыбающегося во весь рот уйбуя. – Вижу, адрес ты запомнил?

– Ноги сами принесли, – не стал скрывать Копыто. – Я сначала просто бежал, потому что ну его на фиг было там оставаться, а потом увидел во-ооон тот байк. – Кивок на припаркованный у подъезда «Судзуки». – Я его ещё вчера угнать собирался, да чот не сложилось.

От уйбуя пахло виски и хорошим настроением. Он встретил парочку на улице, выйдя из бистро, в котором успел пропустить несколько стаканчиков и потому был преисполнен искреннего благодушия. Лебра и Фатма мокрые, в сырой одежде – шас отдал обнажённой девушке куртку, – выглядели весьма непрезентабельно. Даже на фоне дикаря. К дому они вернулись пешком и не ожидали встретить Шапку, наоборот, обсуждали по дороге, где его искать.

– Что случилось с птичкой? – участливо осведомился уйбуй.

– Если ты не заткнёшься, я тебя загрызу, – хрипло пообещала Фатма.

Но Копыто, к некоторому удивлению парочки, не испу-

гался. Смерил девушку весёлым взглядом, пожал плечами и сообщил:

– Сумка с артефактами стоит в коридоре вашей квартиры. Всё в целости.

– Откуда у тебя ключи? – ошарашенно спросил Лебра.

– Из штанов Фатмы, – хихикнул Копыто. – Её одежду я тоже принёс. – И бросил шасу ключи. – Если захотите выпить, я буду в соседнем баре – надоело сидеть в одном месте.

* * *

«То, о чём говорили последние дни, кажется, превращается в реальность, и если наши инсайдеры не ошибаются, Тайный Город готовится открыть величайшую страницу своей истории. Сегодня великий магистр Ордена Барс де Ларс и королева Зелёного Дома Всеведа выступят с совместным заявлением...»

(«Тиградком»)

«Несмотря на мощный поток слазавого официоза, который обрушился на нас из некогда свободного канала, все прекрасно понимают, что переворот входит в завершающую фазу и уже к вечеру мы окажемся совсем в другом Городе. Мы не знаем, как будет называться новая власть, но видим, что её уже признали королева и великий магистр...»

(«MG online»)

Москва, зона Кадаф

– Тайный Город стоит тысячи лет и прошёл через множество испытаний. Мы видели войны. Мы видели кровь. Мы погибали под ударами Инквизиторов и дважды принимали на себя ненависть Великого Господина. Мы знаем, какой ценой даются победы – мы платили за них не один раз. – Королева Всеведа выдержала короткую, идеально продуманную паузу и продолжила: – Мы убивали не задумываясь. Убивали врагов Тайного Города и... друг друга. Заканчивая одну войну, какой бы кровопролитной она ни была, мы сразу начинали готовиться к следующей: создавали ещё более мощные заклинания, накапливали оружие, прощупывали боеспособность соседей мелкими уколами и учили детей убивать. Мы растрачивали наши силы на смерть. И я считаю, что пришло время одуматься. Мы обязаны сделать наш мир безопасным не только на словах. Мы обязаны, а главное – мы можем это сделать. Мы долго шли к новой эпохе, иногда отдалялись, иногда приближались, но, как это часто бывает, нам всё время чего-то не хватало. Чаще всего – взаимопонимания. Но теперь оно есть.

Последние слова королевы потонули в громких одобрительных возгласах.

Ярга едва заметно улыбнулся.

Он не был любителем пышных церемоний, но понимал их важность, знал, какое воздействие оказывает хорошо задуманное и грамотно выстроенное мероприятие на публику: оно не только радует виновника торжества, но чётко показывает зрителям, что произошло и чего им ждать в дальнейшем.

В любую церемонию можно вложить огромное количество смыслов, и поэтому свой триумф Ярга принялся планировать задолго. Сначала продумал его сам, чётко определив, что хочет показать и как, а затем привлёк к работе лучшего специалиста Тайного Города по проведению массовых шоу. Объяснил, чего хочет добиться, что нужно продемонстрировать явно, а на что лишь намекнуть, выслушал поступившие предложения и понял, что Птиций разобрался в его желаниях намного лучше, чем он сам.

«Красная площадь не подойдёт из-за Азаг-Тота – зрители могут решить, что вы ищете его благословения».

«А если замаскировать гробницу? Закрыть щитами, чтобы не было видно?»

«А смысл? – Птиций пожал плечами и поправил три толстые золотые цепи, с трудом помещающиеся на груди. – Все знают, что он там лежит».

«Могу снести», – насупился Ярга.

«Не сомневаюсь, что можете, – вежливо ответил Птиций. – Гробница очень важна для челов, и снести её пока невозможно. А если снести на время церемонии, а потом

восстановить, получится как со щитами, только дороже. Зрители всё поймут».

«Почему ты называешь их зрителями?»

«А как? Не участниками же».

Хладнокровный цинизм толстенького Птиция произвёл на Яргу настолько благоприятное впечатление, что он решил довериться ему полностью.

«Где ты хочешь провести церемонию?»

«На Ивановской площади, прямо внутри крепости».

«Красная площадь мне видится лучше».

«Внутри крепости, – повторил Птиций, бесстрашно глядя заказчику в глаза. – В самом сердце Города, а не около стены, больше напоминающей кладбище. И никаких гробниц поблизости».

Он согласился и не пожалел.

Чтобы не смущать челов и не придумывать ответы на их дурацкие вопросы, организаторы навели на площадь морок, заставив обычных челов считать, что произошла авария и площадь заливают дерьмом. Появившиеся сотрудники «аварийной бригады» – естественно, имеющие все положенные документы, – занялись «ремонтom», пообещав к утру справиться, а в действительности на Ивановской площади развернулось действо с участием воинов, которые ещё не стали для Ярги своими – и вряд ли когда-нибудь станут, – но оказались под его командованием.

По левую руку от трибуны – зелёные ведьмы, сводный от-

ряд, большую часть которого составляли воительницы дружины Дочерей Журавля. За ними стояли «коробочки» доменов – рослые как на подбор, плечистые люди в полной боевой выкладке. Мужчины Зелёного Дома не владели магией, но отличались колоссальной физической силой и были грозными противниками в бою. Перед каждой «коробочкой» – жрица домена и барон. По левую руку от трибуны развевались только зелёные знамёна.

А напротив – только красные. Напротив зелёных ведьм замер строй рыжих рыцарей, основу которого составляли воины из гвардии великого магистра. За ними вытянулись во фронт отряды всех четырёх лож Ордена, а замыкали красную линию несколько тварей Бестиария – пять виверн, выглядящих весьма опасно, однако демонстрирующих идеальное послушание всадникам.

Красно-зелёное единение...

Королева замолчала, Птиций кивнул, показывая, что настало время, Барс де Ларс коротко вздохнул, поднялся на трибуну и встал рядом с Всеведой.

– Нам не хватало взаимопонимания, но теперь оно есть, а то, что нас разъединяло, осталось в прошлом. Я предложил королеве переступить через тысячелетнюю вражду и начать сотрудничество Великих Домов Чудь и Людь с чистого листа. Без взаимных упрёков! Без взаимных претензий! И королева Всеведа согласилась.

Пауза. Некоторые журналисты не сдержали удивлённых

восклицаний, однако замершие в строю воины сохраняли молчание.

– Это великий день, потому что вместе мы сделаем шаг за стены Тайного Города и покончим с тысячелетним изгнанием!

– Мы построим новый мир! – поддержала Барса Всеведа. – В нём не будет вражды и войн. Не будет смертей!

– Мы открываем новую эпоху!

– И объявляем о создании равноправного Альянса Чуди и Люди!

– Который возглавит Консул. Наш Консул! – Ярга вскинул голову и стал медленно подниматься на трибуну. – Лидер нового мира!

Вадим Панов
Пошли свой голос
(переработанный отрывок из
романа «Кафедра странников»)

*Южный Форт,
штаб-квартира семьи Красные Шапки
Москва, Бутово*

Нас не догонят!
Оле-оле-оле!!

Песня гулко звучала под низкими сводами «Средства от перхоти», самого грязного, если верить путеводителю по Тайному Городу, заведения Москвы. Оригинальный текст дикари выучить не удосужились, собственных слов не придумали, поэтому куплеты каждый ревел на собственный лад, излагая как можно громче то, о чём думал в данный конкретный момент. Зато главные слова, те, что отражали неповторимую воинственность Красных Шапок в компетенции стремительного бегства с поля боя и за которые жители Тайного Города называли её боевым гимном дикарей, звучали дружно и гордо, заставляя дрожать каменную кладку и мощные деревянные балки.

Нас не догонят!

Оле-оле-оле!!!

Нас не догоня-я-я-ят!!!

Громадный кабак, занимающий самый большой подвал Южного Форта, служил дикой семье сердцем. Именно отсюда в её артерии безостановочно направлялись новые и новые порции дешёвого виски – единственного катализатора, способного заставить мозги Красных Шапок хоть как-то шевелиться и симулировать умственную деятельность. Незамысловатая мебель «Средства от перхоти» – грубые столы и массивные скамьи – была привинчена к полу, барная стойка тянулась от входа до туалета, а пол густо покрывали опилки. Касса заведения пряталась за пуленепробиваемым стеклом и защищалась «кольцом саламандры» второго уровня. Попытки ограбления тем не менее предпринимались не реже раза в неделю. Трупы неудачников сбрасывали в канализацию через люк справа от будки.

Ну а в остальном здесь беспробудно пили от заката до рассвета.

– За нашего непобедимого фюрера! – заорал уйбуй Копыто Шибзич, вскакивая на стол. – За нашего любимого Кувалду!!

От избытка чувств десятник пальнул в потолок из карманного «Браунинга», после чего вылил огненную воду в тренированную глотку. Присутствующие в кабаке Шибзи-

чи, члены родного клана Кувалды, присоединились к вдохновенному порыву уйбуя, немного постреляли, много выпили, а некоторые даже полезли целоваться с висящими на стенах патриотическими плакатами: Кувалда в парадной форме, Кувалда проводит еженедельное совещание с уйбуями, Кувалда делится с королевой Всеславой взглядами на будущее Земли... Представители других кланов – Гниличи и Дуричи – опрокинули стаканы после небольшой паузы, поскольку одноглазый фюрер не вызывал у них бурных приступов сыновней любви. Узурпировав верховную власть в критический момент – когда связавшиеся с Вестником Шапки умудрились прогневать все Великие Дома, – Кувалда ухитрился выправить положение, убедил ведущие семьи Тайного Города в том, что в ближайшие годы от дикарей можно не ожидать неприятностей, и тем добился минимального наказания за прегрешения. Понимая, что никто, кроме одноглазого, не справился бы с такой задачей, Шапки инстинктивно позабыли о любимых междоусобицах и признали его единоличную власть. Но чем больше времени проходило, чем крепче забывался кризис, тем чаще под красными банданами рождался закономерный вопрос: «А чо эта он нам указывает?» – на взгляд подавляющего большинства уйбуев, правление Кувалды неприлично затянулось. Политическое долголетие одноглазого объяснялось двумя факторами: поддержкой Зелёного Дома – королеву Всеславу устраивали присмирившие варвары – и превентивными мерами – сму-

тьянов в Южном Форте вешали с дивной регулярностью.

– Давайте споем во славу великого фюрера какую-нибудь песню?! – Копыто настолько развезло, что даже его привычные ко всему бойцы попытались стянуть уйбуя со стола. – А я могу сплясать...

– Чего скривился, тренер? – Уйбуй Булыжник опустил пустой стакан на грязную столешницу и подозрительно покопился на сидящего рядом Напильника Гнилича. – Не в то горло пошло?

– Да за этого хмыря даже пить неохота, топор тебе в зубы, – прохрипел Напильник. Он оглянулся и, ещё больше понизив голос, добавил: – Урод одноглазый.

В целях безопасности Красные Шапки предпочитали напиваться в окружении бойцов родной десятки, но кредитоспособность уйбуя Напильника в последнее время упала почти до нуля, а потому он и его бойцы расползлись по «Средству от перхоти», садясь на хвоста к более состоятельным соплеменникам. И даже к членам других кланов.

– Опасные слова, тренер, – протянул Булыжник. – Адназначна опасные.

– Наверно, виски палёный, – предположил Отвёртка, один из бойцов Дурича. – Вот ему по шарам и дало.

– Виски добрый, – не согласился Булыжник, щедро разливая по стаканам очередную бутылку. – Ты, Напильник, наверное, в последнее время самогоном баловался. А это адназначна опасно.

Десятка Дуричей обидно расхохоталась. Гнилич поморщился – но не отказываться же из-за гордости от дармовой выпивки? – а потому, пробормотав: «здоровья, топор вам всем в зубы», ловко принял на грудь.

– Хорошо, что весна началась, – порадовался Отвёртка, почёсываясь спиной о стену. – А то холодно.

С тех пор, как Красные Шапки лишились густой шерсти, зима вызывала у них резкую антипатию.

– Местная весна что? Не весна, а сплошное недоразумение. Вот я слышал, что в Западных лесах вёсны были куда приятнее... – И романтично настроенный Булыжник принялся пересказывать соратникам давно надоевшие байки о легендарном фатерлянде Красных Шапок. Напильник же, в ожидании очередного тоста, подпёр кулаками подбородок и уставился на малюсенькое, забранное толстыми решётками окно.

На его душе скребли кошки.

Хотя, учитывая, что в Москву действительно пришла весна, возможно, и коты...

Когда-то, несколько лет назад, Напильник считался особо доверенным уйбуем Сабли, фюрера клана Гниличей, и даже всерьёз рассчитывал перерезать благодетелю горло и занять его место. Но история с Вестником спутала честолюбивые планы. Сабля откинул копыта без помощи верноподданных, затем Кувалда Шибзич грохнул Секиру Дурича, возглавил семью и первым же указом ликвидировал титул фюрера кла-

на, здраво рассудив, что политические конкуренты ему ни к чему. Великий Дом Людь отнёсся к нововведениям благосклонно: постоянные междоусобицы ведьмам давно опостытели, а вот жизнь уйбуев потеряла смысл – социальный лифт оказался поломан самым безжалостным образом. И это обстоятельство удручающе действовало на варварскую гордость.

– За Западные леса!

– За Родину! – рассеянно согласился Напильник, поднимая стакан.

– За нашу великую, единую Родину!

Очередная порция виски слегка разогнала горестный туман в голове Гнилича. Напильник задумчиво поковырял между зубами длинным жёлтым ногтем, слизал с него найденные кусочки закуски и пробурчал:

– Конечно, легко быть щедрым, топор тебе в зубы, когда от сибирских бабок карманы пухнут!

Все знали, что шустрый Булыжник ухитрился подрядиться к шасам, убедив Торговую Гильдию, что лучших сторожей для затерянного в окрестностях Омска склада подобрать невозможно. Поскольку на том перевалочном пункте шасы хранили исключительно несъедобный крупнотоннажный груз, легко поддающийся учёту и абсолютно не приспособленный для растаскивания на мелкооптовые части и розницу, основатели Торговой Гильдии согласились нанять Булыжника с компанией, и десятка Дуричей целых полгода

благоденствовала в тайге, уничтожая местных комаров пропитанной алкоголем кровью. А по возвращении в лоно цивилизации три недели вызывала удивление и зависть сородичей необычайно высокой кредитоспособностью.

– Не, – протянул размякший Булыжник. – Сибирские бабки мы уже давно оприходовали, адназначна. – Уйбуй даже причмокнул, вспоминая пышную оргию, устроенную после возвращения из Омска. – Я думал снова к шасам подрядиться, да ребята пока отказались. Мы тута заработали. И много.

– На чём? – оживился Напильник. – Ограбили кого? Скажи кого? Я не сдам, топор тебе в зубы! Честно не сдам.

За донос на неблагонадёжных любителей пограбить окружающих сверх меры полагалась небольшая премия, которая позволила бы Гниличу рассчитаться с наиболее горящими долгами.

– Да никого мы не грабили! – Булыжник оттолкнул завалившегося на стол Отвёртку и свистнул бармену, требуя очередную бутылку. – Мы чисто техно... технологиями занимались. Чисто политическими адназначна.

– Чего? – вытаращил глаза Напильник. – Это как?

А в зале загрохотал неформальный гимн Красных Шапок:

Я мог бы выпить море,
Я мог бы стать другим,
Вечно молодым,
Вечно пьяным...

Не страдающий музыкальными талантами кабак ревел обожаемую песню в едином патриотическом угаре. А пьяный, желающий похвастаться Булыжник склонился к Гниличу и торопливо зашептал:

– Да смех, блин! В Зюзино челы муниципального советника выбирают. Шесть штук кандидатов, однозначна! Все челы поголовно, но один – чисто свой чувак, мы его магазины уже пять лет бомбим, а он теперь хочет властью стать, в натуре. Ну, типа, чтобы магазинов больше понатыкать.

– Это понятно, топор тебе в зубы, – перебил собутыльник нетерпеливый Напильник. – Бабки тут при чём? Откуда бабки-то?

– Так я и говорю, тренер, политические технологии однозначна! Тот чувак, который свой, приходит к нам и говорит: пацаны, сделайте так, чтобы местный электорат моего главного конкурента невзлюбил. Мы в натуре не поняли сначала, вроде тебя были, тёмные. Чо, говорим, ругаешься тута? А он настырный малый, чисто тренер, не поддался и рассказал. Вам, говорит, надо пару моих магазинов бомбануть, потом, значит, пару подъездов краской облить и стёкла побить адназначна. А потом чиста заявиться туда и сказать, что если челы не станут голосовать за того, типа, за конкурента, то мы их ваще закопаем.

– Сильно, – оценил Напильник.

– А я говорю! Технология!

– И что вы?

– А мы что? Мы, короче, бабло у него взяли, магазины его бомбанули, подъезды изгадили, сказали челам, что просил, а потом подумали: пацан этот, в натуре свой, надо помочь ему дополнительно. И сделали его конкуренту чёрный пиар.

– А это как? – заинтересовался политически тёмный Гнилич.

– Ну, эта схема тебе известна, – ухмыльнулся Булыжник. – Конкурент, типа, в больнице теперь валяется, к другим э... кандидатам человская полиция охрану приставила, а пацан нам ещё денег дал, чтобы мы больше в Зюзино не светились пока.

– Кудряво, – завистливо засопел Напильник.

– Мозги, Гнилич, мозги. – Булыжник покровительственно похлопал уйбуя по плечу. – Пусть идиоты всякие по Сибири мотаются, мы, блин, на выборах больше заработаем. Я уже всё изучил – челы это дело очень даже любят и постоянно где-нибудь кого-нибудь выбирают. – На стол легла засаленная листовка «Выборы муниципального советника района Чертаново». – Понял, тренер?

Напильник наморщил лоб и почти минуту водил пальцем по тексту, сосредоточенно изучая биографии кандидатов и их физиономии, а затем осведомился:

– Получается, топор тебе в зубы, любой из этих челов может стать властью?

– Угу, – согласился Дурич.

– Станет приказы отдавать и кабинет с секретаршей

иметь?

– Станет. Это, тренер, называется демократия. Покуда тебе чёрный пиар не сделали, можешь на что-то рассчитывать.

– Демократия, – задумчиво повторил Напильник, наблюдая за аккуратно складывающим листовку Булыжником. – Демократия.

Напильник, в отличие от Дурича, выпил немного, мозги зашевелились, но опьянеть – ещё не опьянел, и в его голове начал вырисовываться некий план...

* * *

*Южный Форт,
штаб-квартира семьи Красные Шапки
Москва, Бутovo*

– Почему наша могущественная семья до сих пор не стала Великим Домом? Почему мы живём на окраине Тайного Города, а не грабим челов так, как нам хочется?!

– Потому что мы не самые умные, – самокритично высказался кто-то из толпы.

– Идиот! – высокомерно отмахнулся Напильник. – Жалкий слабак, одурманенный вражеской пропагандой! Да, я согласен, мозги у нас маленькие. Ну и что? Зато они у нас есть! И они тяжёлые! Удивительно тяжёлые!

– С чего ты взял? – растерялись слушатели.

– А ты вспомни, сколько весят по утрам наши головы! –

привёл железный аргумент уйбуй.

Народ задумался. Неспешно, поскольку думать Красные Шапки никогда не спешили, но задумался. Задумался и через некоторое время породил вопрос:

– Что это значит?

– Это значит... – Напильник заглянул в шпаргалку. – Это значит, что удельная плотность ума у нас выше! Она вообще самая высокая в Тайном Городе! У нас маленькие, но очень тяжёлые мозги, а значит, маленький, но тяжёлый ум!

Поражённые неожиданным выводом сородичи притихли. Уйбуй приободрился.

– И вот я спрашиваю: почему мы вынуждены платить за виски, а не получать его даром?! Вы знаете почему? Не знаете?!

Невнятный гул собравшейся во дворе Южного Форта толпы подтвердил грустный вывод Напильника – соплеменники не догадывались, почему не играют первые роли в Тайном Городе. И Гнилич набрал в грудь побольше воздуха:

– А я скажу почему! Потому что развитие нашей могущественной семьи идёт неправильно! Вместо того чтобы обрести свободу и величие, мы стонем под пятой узурпатора! Под его узурпаторской пяткой!

Правая рука уйбуя смело указала на огромный портрет великого фюрера, висящий рядом с мусорной кучей, а левая выдернула из-за пояса ятаган и воинственно покрутила им в воздухе. Пару секунд собравшиеся изучали нарисованно-

го вождя, а затем начали выражать неодобрение попранием своих гражданских прав. Послышалось бульканье из карманных фляжек. По двору пронёсся лёгкий матерок. Сообразительный Напильник понял, что надо ковать железо, пока горячо.

– Продавшаяся людям клика одноглазого Кувалды специально сдерживает развитие Великого Дома Красных Шапок! Но я это изменю!

«Ты обещать умеешь?» – поинтересовались у уйбуя шасы. Напильник осторожно подтвердил и услышал в ответ: «Тогда обещай. Обещай что угодно, а главное – много и бесплатно. Обещай так, как никто им не обещал. Попросят новую машину каждому – обещай. Ремонт в каждой казарме – обещай. Пластическую операцию всем женщинам – обещай». – «И тогда выберут?» – спросил наивный уйбуй. «Обязательно», – подтвердили шасы. «А кто исполнять будет?» – «А зачем?» На этот вопрос Напильник неожиданно нашёлся с ответом: «Чтобы в следующий раз выбрали». – «В следующий раз ты им что-нибудь другое пообещаешь». – «Например?» – «Например, что снизишь налоги, которые поднимешь во время правления». – «И?» – «И не снизишь». – «Почему?» – «А зачем?» Некоторое время Напильник тщательно обдумывал предложенную стратегию, после чего осведомился: «И долго так будет продолжаться?» – «Пока им не надоест». – «А потом?» – «Потом они тебя убьют». – «Ага. – Этот пункт уйбуй понимал хорошо. – А можно сделать так,

чтобы не убили?» – «Это как?» – удивились шасы. «Ну, давать обещания, которые можно выполнить, и выполнять их». – «А зачем?»

Пришлось соглашаться с тем, что предлагают.

– Я гарантирую процветание и благосостояние! Мы поставим вопрос ребром и снова будем грабить всех, кого захотим! Мы никому не позволим вообще!

– И вискарь дармовой!

– Каждому! Никто не уйдёт обиженным!

Зрители возбуждённо загалдели. Уйбуй вытер пот, скопившийся под красной банданой, и воинственно потряс ятаганом.

– Нам нужен новый великий фюрер! Нам нужен я!!

Гниличи, которые составляли основную массу митингующих, радостно завопили и выразили поддержку кандидату беспорядочной стрельбой в воздух. В нарисованного Кувалду полетели помидоры и тухлые яйца – моральный дух электората рос на глазах.

– Честные выборы поднимут авторитет Красных Шапок! Великим Домам придётся иметь дело с истинно народными избранниками, а не кучкой распоясавшихся проходимцев! И они будут вынуждены уважать наши желания!!

Гладкий предвыборный текст Напильнику состряпали ушлые шасы из рекламного агентства «ТиградМедиа». Увлёкшийся идеей сместить фюрера, уйбуй понимал, что не сможет самостоятельно зажечь народ, и обратился за помо-

щью к профессионалам, которые, почуяв запах денег, молниеносно заключили с потенциальным кандидатом контракт на проведение кампании. В качестве аванса Напильник написал кабальную долговую расписку, к вечеру должен был собрать кругленькую сумму на покрытие первоначальных расходов, но уйбуй не унывал: воодушевлённые Гниличичи уже пообещали скинуться на благое дело. Пока же дорогостоящий ход с приглашением шасов оправдывал себя на все сто: красивая речь и наспех отпечатанные листовки возбудили сородичей не хуже виски. Правда, появились и трудности.

– Великий фюрер должен быть выходцем из нашего великого клана! – слышалось от дверей «Средства от перхоти». Там кучковались заинтересовавшиеся невиданным зрелищем Дуричи. – А ты, Напильник, даже на самогон наворовать не можешь!

– Зато я умный! – ощерился уйбуй.

– Тогда почему ты в карты всем проигрываешь?

Первый в предвыборных дебатах вопрос прозвучал необычайно остро, и соратники Гниличичи заволновались. Напильник понимал, что в его собственном клане найдётся достаточное количество уйбуев, желающих стать великим фюрером демократическим способом, и надо отвечать на подлые нападки быстро и жёстко. Нужно показать силу и сторонникам, и противникам.

– А потому, – прорычал он, – что вы, Дуричи, все шулеры! – И злобно помахал ятаганом. – Понятно?

Подчинённая Напильнику десятка дружно лязгнула помповыми ружьями.

— То есть ты такой тупой, что даже на наши трюки ведёшься? — с издёвкой уточнили политические оппоненты и тоже потянулись за оружием. — Какой же, мля, кретин к нам в фюреры набивается...

В воздухе запахло потасовкой. Оскорблённые Гниличи, окрылённые пламенной речью кандидата и подавляющим численным превосходством, принялись сжимать кольцо вокруг дерзких Дуричей. Почувывшие неладное оппоненты медленно отступали.

— Ща мы покажем, на какие фокусы ведётся великий фюрер, — пообещал Напильник. — Ща мы покажем, топор тебе в зубы!

— Ну ты, кандидат хренов, — осторожно протянул Булыжник. — Мы же эта, чисто дебаты проводили.

— Ща я тебе эти дебаты в глотку засуну, — пообещал осмелевший Гнилич, торопливо распахивая по карманам скомканные листы с текстом речи. — Ща...

Южный Форт представлял собой громоздкое, приблизительно четырёхугольное здание красного кирпича, с ярко выраженной великофюрерской башней и большим внутренним двором, в центре которого возвышалась легендарная мусор-

ная куча, видевшая – как утверждали некоторые – не только зарождение Красных Шапок, но вообще – зарождение Вселенной, которая с тех пор вокруг неё вертелась. Так это или нет, оставалось загадкой, а вот акустика внутри Форты была прекрасной, и возникший между Гниличами и Дуричами спор не остался незамеченным.

– Что за стрельба во фворе?! – злобно рявкнул Кувалда. – Я же запретил перестрелки в Форте!

Несмотря на то что кабинет великого фюрера размещался на последнем этаже единственной в штаб-квартире высокой башни, а на окнах стояли тройные стеклопакеты, музыка оживлённой перестрелки звучала в нём с консерваторским качеством.

– Какая скотина осмелилась нарушить указ великого фюрера?

– Напильник Гнилич, – сообщил уйбуй Копыто, один из самых преданных Кувалде десятников. – Бесится, вонючая морда.

– Повесить, – коротко повелел лидер. – Там на принтере приговоры распечатаны. Возьми офин, впиши имя и повесь смутьяна.

Семейная шепелявость Красных Шапок была выражена у Кувалды необычайно сильно, он совсем не выговаривал букву «д», но тем не менее прекрасно умел доносить нехитрые мысли до верноподданных. Собственно, несвойственное дикарям умение размышлять и помогло одноглазому Шибзичу

вознестись на последний этаж великофюрерской башни.

– Видите ли, ваше высокопревосходительство... – дипломатично начал Копыто.

Но был прерван гулким грохотом взрыва: запертые в кабаке Дуричи пальнули в оппонентов из подствольника. Кувалда побелел от бешенства.

– Копыто, сукин сын, если ты немефленно не расскажешь, что происхофит в Форте, я тебя...

– Напильник проводил предвыборный митинг, мля. – Уйбуй понял, что фюрер дозволяет обойтись без церемоний, и стал развязен. – Кодлу Гниличей во двор выгнал и публично втирал, какой он умный. Дуричи возмутились – у них, наверное, свой кандидат есть – и устроили перестрелку. – Копыто зевнул. – Политические технологии, мля.

Кувалда выкатил на верного помощника единственный глаз, пару мгновений ошарашенно хлопал им, а затем медленно, едва не по складам, поскольку скулы сводило от бешенства, поинтересовался:

– Канфифат куфа?

– Так Напильник хочет выборы устроить, – беспечно ответил Копыто. – Народ, в натуре, не против. Только Дуричи не хотят Напильника, а хотят другого.

– Кого фругого?

– Кого-то из своих, – пожал плечами уйбуй. – Я в подробности не вдавался.

– А я?

– А что я? – Копыто несколько удивлённо посмотрел на вождя.

– Не ты, а я!

– А что ты?

– Я – великий фюрер?

– Да, – подтвердил уйбуй. – Ты – ваше высокопревосходительство господин великий фюрер... – Копыто неожиданно замолчал: сообразил, куда клонит одноглазый. – Так это... – И судорожно сглотнул. – Так что нам тогда делать?

Внезапное понимание нависшей над кланом угрозы придало Копыто к земле: ведь если у семьи появится другой Кувалда, то у нового Кувалды появится новый Копыто, и что тогда случится со старым, было не такой уж тайной – принтер во время смены власти работал безостановочно.

– Я... эта...

Плечи бравого десятника поникли, пальцы задрожали, а в голосе появились панические нотки.

– Собирай Шибзичей, – распорядился Кувалда, – пусть бросают всё и гонят сюфа. Казармы клана закрыть, никого не пускать...

– Никого, – тоскливо подтвердил Копыто, в маленьких глазках которого отчётливо читалось страстное желание убраться из Форта как можно дальше.

– И главное – арсенал закрыть! – Кувалда прекрасно понимал, какие предвыборные инструменты предпочитают его политические оппоненты. – Перефай, чтобы охрана забар-

рикафировалась изнутри и никого не пускала в арсенал!
Копыто пулей вылетел из кабинета.

* * *

Складской комплекс «Кумар Карго Экспресс» Москва, улица Левобережная

Место для склада Урбек Кумар выбирал долго. Оценивал возможности, перспективу, стоимость земли, пока наконец не остановился на сравнительно небольшом, зато удачно расположенном комплексе на Левобережной улице. На первый взгляд решение Урбека выглядело странным: уважаемые шасы предпочитали жить и работать ближе к центру, считая московские окраины местами не престижными и отсталыми, но Кумар знал, на что шёл. Удобный подъезд, близость речного порта и железной дороги, территория под контролем Тёмного Двора, к тому же рядом лесопарк, с облюбовавшими который морянами Урбек сумел договориться, получив дополнительную защиту от любых неприятностей. Нет, Кумар был положительно доволен своим комплексом, который идеально подходил для тонкого ремесла крупнейшего в Тайном Городе скупщика краденого, и вёл дела весьма спокойно.

А дела он вёл со всеми. И Красные Шапки, регулярно доставляющие Кумару добычу, были его постоянными клиентами.

– Что ж ты за идиот, Булыжник!

– Нормальный идиот, как все!

– Не уверен...

Кумар вышел к грузовику из-за обеденного стола и важно прихлёбывал кофе из большой кружки. Был он черноволос, черноглаз и носат. Выражение лица имел кислое, а голос густой и холодный.

– Сколько раз я тебе говорил: не смей пригонять сюда машины! Взял добычу – не жадничай, перегрузи товар, а тачку брось!

– Некогда было, тренер, деньги срочно нужны, – уйбуй развёл руками и умильно заглянул разозлённому шасу в лицо. – Да ты не волнуйся, тренер, мы всё хорошо сделали. Трак в отстойнике стоял, водила уснул, мы, значит, документы вытащили, а водиле «пыльцой Морфея» дунули. Он, адназначна, и не проснулся ещё!

– А что за груз?

– Компьютерные телевизоры. Новые. Сплющенные.

– Телевизоры... – Урбек жестом велел открыть фургон и придиричиво оглядел коробки с плоскими мониторами. – «Пыльцой» дунули...

Товар был хорошим. Кумар сразу понял, кому продаст добычу и сколько на этом заработает, но брезгливое выражение с лица не снял – предстояло разводить дикарей.

– Горячий товар, Булыжник, ох, горячий, – сокрушённо произнёс шас.

– А тебе чо, другой привозят? – возмутился уйбуй. – Ты же барыга, тренер!

– Так одно дело машину с мясом по ресторанам раскидать, и совсем другое – высокотехнологичную продукцию. Соображаешь? – Урбек демонстративно постучал пальцем по лбу. – У каждого монитора свой уникальный номер, ты его в сеть включишь, а через два часа к тебе человеческая полиция заявится. Чисто на разборку. Эх... Горячий у тебя товар, Булыжник.

– Ты мне мозги не пудри. – Уйбуй приложился к фляге с виски. – Не на такого напал, тренер. У Кувалды, вона, адназначна ворованный компьютер стоит, а к нему человеческая полиция не ходит!

– Это потому, что фюрерский компьютер ребята из «Тиградком» наладили, – снисходительно объяснил Кумар. – И монитор у него старый, а не плоский. Понял?

– Не плоский? – Булыжник наморщил лоб, вспоминая, какой монитор украшал кабинет одноглазого фюрера, вспомнил и горестно почесал где-то под банданой. – А чо тогда теперь делать, тренер?

– Десять процентов сразу заплачу, – щедро пообещал Урбек. – А за остальным приходи потом. Недели через две. Будет тебе ещё десять процентов.

– Совесть у тебя есть?! – возмутился Дурич.

– А у тебя?

– У меня адназначна есть! – твёрдо ответил Булыжник,

хотя о том, что такое совесть, только догадывался. Это крылатое выражение Красные Шапки частенько применяли во время торговли с шасами, и иногда с его помощью удавалось добиться приемлемых условий. Но на этот раз волшебное слово не сработало.

– Если ты такой совестливый, иди и верни свои сплюсненные телевизоры водителю, – с иезуитской ухмылкой предложил шас.

– Половину цены заплати!

– Так я, может, эти мониторы вообще не продам! А разорюсь – к кому ты в следующий раз придёшь?

– Ты разоришься, как же...

Урбек помолчал.

– Ладно, четверть дам.

– Сорок процентов! И все деньги сейчас!

Необъяснимая горячность уйбуя – обычно Красные Шапки вели себя спокойнее – наконец привлекла внимание шаса. Кумар сделал глоток кофе, удивлённо посмотрел на Булыжника и осведомился:

– Ты, случайно, молоко утром не пил?

– Не пил, – огрызнулся уйбуй. И вновь заныл: – Ну хотя бы тридцать пять процентов, тренер, а? И сразу! Нам бабки адназначна нужны.

– Должен кому? – участливо поинтересовался шас.

– Да не... – Булыжник махнул рукой. – Выборы у нас.

Урбек, который как раз собирался сделать очередной гло-

ток кофе, поперхнулся, а откашлявшись, спросил:

– Чего?!

– Говорю тебе – выборы!

– И кого выбираете?

– Кувалду. Великого фюрера то есть. Эх!

Булыжник присел на ближайший ящик, вытащил из кармана флягу и за несколько больших глотков доходчиво обрисовал скупщику краденого сложившуюся в семье политическую обстановку.

– Напильник, сука, от меня про выборы услышал и адназначна завёлся. Гниличи по Форту скачут, как трезвые, и орут, что будет новый великий фюрер. Шибзичи, понятно дело, за одноглазого встали, да только куда им супротив Гниличей? Гниличей ведь больше. Ну и мы подумали: на кой ляд нам Напильник? Фюрер свой должен быть. Решили пока меня выбрать, но... – Уйбуй доверительно склонился к шасу. – Непокойно у нас в клане, тренер. Чую, хочет Грелка подсидеть меня, блин. Единства адназначна нет, а Гниличи...

– В целом понятно, – перебил дикаря Урбек. – То есть все деньги, которые я тебе заплачу за мониторы, ты потратишь на выборы?

– Угу, – подтвердил Булыжник. – Оружия надо купить, а то в арсенале Шибзичи засели. Потом речь написать надо, чтобы наши Грелку не выбрали. Программу придумать, листовки...

– Деньги надо тратить с умом, – поучительно заметил

шас. – Вложишься ты в свои листовки, а через час Грелка тебе нож в спину – и что? Плакали твои сбережения, как снег под солнцем.

– Если нож в спину, то мне деньги до лампочки станут, – философски ответил Булыжник. – Пусть плачут.

– А надо сделать так, чтобы и деньги не плакали, и спина целой осталась, – бросил Урбек. – Думать надо.

– Это как? – не понял уйбуй.

– Это головой, – объяснил шас. Потом посмотрел на опустевшую кружку и неожиданно предложил: – Вот, к примеру, пусть Дуричи не тебя фюрером выбирают, а меня.

Булыжник оторопело вытаращился на скупщика краденого.

– Не понял, тренер?

– Простоват ты, братец. – Кумар поставил кружку на ближайший ящик и потёр виски.

Желание, с которым уйбуй собирался расстаться с деньгами, произвело впечатление. Настроенные на извлечение прибыли мозги скупщика краденого немедленно подали сигнал о возможности выгодной авантюры, и Урбек сделал стойку.

– Вот смотри: Шибзичи будут голосовать за Кувалду, так?

– Адназначна, – подтвердил Булыжник.

– Гниличи – за Напильника, Дуричи – за тебя. Большинство голосов никто не получит, и всё закончится поножовщиной. Правильно?

– Перестрелкой, – уточнил начавший думать головой уйбуй.

– Перестрелкой, а когда патроны закончатся – поножовщиной, – поправился шас.

– Адназначна.

– Вывод: королева Всеслава присылает карательный отряд, и всех кандидатов вешают.

– Хреновый вывод, тренер, – шмыгнул носом уйбуй. – Может, пусть лучше Грелка великим фюрером от нас будет?

– Забудь о Грелке, – поморщился Кумар. – Смотри, что мы будем делать: выставляем мою кандидатуру, я провожу качественную предвыборную кампанию, и большинство твоих соплеменников, включая Гниличей и Дуричей... ну... те, которые не совсем идиоты... голосуют за меня. Быть великим фюрером, братец, это большая ответственность: финансы, налоги, махинации всякие... Я-то с этим управлюсь в лучшем виде. Даже вам кое-что останется.

– И цены будешь давать правильные? – с надеждой уточнил Булыжник.

– Как родным, – подтвердил шас. – А самое главное – королева меня не тронет.

– Потому что ты из Тёмного Двора, – догадался уйбуй. – Классный ход, тренер!

– Это и называется думать, – закончил объяснения Кумар. – Так что давай, братец, поехали к твоим Дуричам, будем говорить как взрослые.

– Будем! – Уйбуй возбуждённо затрепетал, но тут же насторожился. – Слышь, тренер, а мне-то какая со всего этого радость будет? Зачем мне тебя делать великим фюрером, когда я сам могу?

– Какая тебе радость? – прищурился Урбек. – Булыжник, врать не буду – ты мне всегда нравился. И когда я стану великим фюрером, ты будешь назначен на пост верховного уйбуя.

– Кого?!

– Я, братец, в ваши дикарские разборки влезать не собираюсь, – строго ответил Кумар. – Моё дело – финансы: налоги собирать, добычу вашу пристраивать, у королевы дотации выпрашивать...

– И бесплатный виски.

– А ты понятливый... – похвалил собеседника шас. – К тому же у меня крупный бизнес, который тоже отнимает кучу времени и сил. Так вот, учитывая обстоятельства, мне потребуется верный помощник, который, собственно, и будет командовать семьёй.

– Я! – сверкнул глазами Булыжник. – Адназначна!

– Адназначна, братец, адназначна.

– И поэтому ты мне деньги за телевизоры не отдашь, – приуныл уйбуй.

– Не поэтому, – нравоучительно ответил шас. – А потому что бесплатно я даже не чихну в твою сторону. К тому же нам надо оплачивать дорогостоящую предвыборную агита-

цию. Хочешь быть верховным уйбуем?

– Хочу.

– Тогда слушай, что я говорю. Поехали к Дуричам!

* * *

Южный Форт,

штаб-квартира семьи Красные Шапки

Москва, Бутovo

«...внимательно изучив политическую обстановку и идя навстречу народным чаяниям, Мы милостиво соизволили удовлетворить изложенную в публичном прошении просьбу и повелеваем провести в воскресенье, 21 марта сего года, свободные выборы великого фюрера семьи Красные Шапки.

Королева Великого Дома Людъ

Всеслава».

Огромный, три на семь футов плакат, отпечатанный на дорогой бумаге и украшенный танцующим журавлём – гербом Зелёного Дома, появился на одной из стен Южного Форта всего пару часов назад, однако правая часть указа уже слегка обгорела, а слова «милостиво соизволила» и «воскресенье» оказались изрешечены крупной дробью. Но благодаря большому размеру витиеватого шрифта текст вполне читался.

Во дворе тем временем шли жаркие предвыборные дебаты.

– Передайте Шибзичам, что если не сдадутся, мы их казармы подпалим! – Напильник воинственно потряс ятаганом. – Всех ублюдков зажарим, топор тебе в зубы! Где этот проходимец Кувалда?!

Идею поджога кандидату подсказали конкуренты из третьего клана: отступившие из Форта Дуричи спалили стоящие во дворе машины, и штаб-квартира Красных Шапок на пару часов окуталась клубами едкого дыма. Особую ярость у Напильника вызвала гибель личного «Лексуса» Кувалды, который Гнилич уже мысленно считал своим.

– Бывший великий фюрер в башне, – услужливо подсказал лидеру Титаник. – Прячется, зараза одноглазая!

– Без тебя знаю! – Напильник закусил губу.

Злился, потому что все попытки прорваться в башню потерпели неудачу: хорошо вооружённые Шибзичи забаррикадировались в великофюрерской цитадели и уверенно отбивали атаки враждебного электората. Пятеро Гниличей погибли, с десятков были ранены, и Напильнику отчаянно требовалась свежая идея. Уйбуй глотнул из бутылки виски, смачно сплюнул, подумал и убрал ятаган в ножны.

– Титаник, надо двери в башню того... взрывать.

– Так королева же велела без экс... эксцессов, – осторожно напомнил помощник. – Если вырежем Шибзичей тихо, эксцессов не будет. А про взрывы она наверняка узнает. Ведьма ведь!

Напильник сделал ещё один глоток, подумал и предложил

бутылку подчинённому. Отказа не последовало.

– Узнать-то она, может, и узнает, – торопливо зашептал кандидат, недовольно наблюдая за резким уменьшением количества жидкости: обрадованный Титаник намертво присосался к горлышку. – Ну и что, что королева узнает? Не станет же она всех нас вешать? Если всех повесит, то кем править будет? – Титаник округлил глаза, соглашаясь с выводами Напильника, но от бутылки не оторвался. – Знаю, что править она будет людьми, но мы ведь тоже нужны, догоняешь? Зачем-то нужны... А чтобы нас не повесили, мы скажем, что Кувалда первый начал. И вообще! Не фига ему!

Помимо естественного желания прихлопнуть опасного конкурента, Гнилич лез в башню с вполне меркантильной целью – за казной. Арсенал, на который Напильник возлагал особые надежды в предвыборной гонке, ему не достался, а шасы, ссылаясь на королевский запрет, заламывали несусветные цены на оружие. Стоимость агитационной кампании росла как на дрожжах, и Гнилич остро нуждался в дополнительных источниках финансирования.

– Семейная казна общая – пусть делится, топор ему в зубы! А то получается, что одним ничего, а другим административный ресурс! Это неправильно! У нас свободные выборы, мля!

Титаник согласно кивал, преданно глядя на политического деятеля, и продолжал булькать внезапно доставшимся алкоголем.

– Так что давай, братан, тащи гранатомёты, и чтобы Шибзичей этих из Форта взрывной волной сдуло!

– В натуре, – рыгнул братан, отбрасывая пустую бутылку. – Ща всё будет.

– Трындец, Кувалда, они гранатомёты раздобыли! – Копыто влетел в кабинет великого фюрера одновременно с первым взрывом, потрясшим основание башни. – Слышишь?

Стоящие на столе бутылки тихонько зазвенели.

– Проклятая Всеслава! – прорычал фюрер. – Пофыгрывает Гниличам, мерзавка!

– Стерва она, – охотно согласился Копыто, отличавшийся смелыми политическими взглядами. – Как арсенал запечатать в трудную минуту, так её ведьмы сразу прискакали, а как Гниличи из гранатомётов пулять принялись, так их нету! А мы за Зелёный Дом кровь проливали! – Очередной взрыв оборвал митинговый порыв храброго уйбуя, заставил съёжиться и задрожать. – Надо спастись, фюрер! В натуре! Бежать надо! Двери долго не протянут!

– Без тебя знаю! – Одноглазый злобно посмотрел в окно, вздрогнул, услышав следующий взрыв, и процедил: – Сколько наших осталось?

– Большинство через подвал ушли, как ты велел, – доложил Копыто. – В башне только моя десятка. Сюда отступает.

– Это хорошо, что ушли, – угрюмо осклабился Кувалда. – Буфет с кем Гниличей резать.

– Вряд ли ребята за тебя мстить станут, – честно предупредил Копыто. – Шибзичей мало. Некоторые уйбуи уже болтают, что надо с Дуричами объединяться и мочить Напильника. Поймать в сортире и мочить.

– Я сам за себя отомщу, – махнул рукой фюрер. – Не бойсь, уйбуй, прорвёмся. – Сглотнул, пережидая очередной взрыв, и приказал: – А имена префателей ты запомни. Потом скажешь.

– Скажу, конечно, – согласно кивнул Копыто. – Ишь, чего надумали: к Дуричам перекинуться! Обо всех расскажу!

– Вот и правильно... – Однако закончить Кувалда не успел – услышал шум, выхватил ятаган и резко обернулся к распахнувшейся двери кабинета. И расслабился, увидев перепуганных Шибзичей.

– Фюрер, двери пали!

– Гниличи прорвались!

– Ща здесь будут!

– Всех убьют!

– Напильник кричит, что топор тебе в зубы вставит!

– Сказал, что если мы твою башку принесём, то нас помилует! Ой!

Иголка, поняв, что сморозил что-то не то, прикусил язык, но одноглазый успел заметить несколько заинтересованных взглядов, которыми воины окинули его великофюрерскую

голову.

– Никого он не помилует, ифиоты! – рявкнул Кувалда и коротко приказал: – Фвигаите!

Копыто и Контейнер, кряхтя, отодвинули письменный стол вождя и подняли спрятанный под ним люк.

– Все вниз, прифурки! – велел одноглазый. – Мы им ещё покажем!

И Шибзичи гурьбой посыпались в потайной ход, отдавая Форт Гниличам, которые пока уверенно лидировали в предвыборной гонке.

* * *

Денежная Башня,

штаб-квартира семьи Шась

Москва, Краснопресненская набережная

Гордость Торговой Гильдии, суперсовременный деловой центр, известный в Тайном Городе как Денежная Башня, располагался на набережной Москвы-реки, примерно на одном расстоянии и от федерального правительственного комплекса, и от Центра международной торговли, – шасы любили успевать и там, и там. Работал он, как и положено, круглосуточно, поскольку шасы любили успевать во всех часовых поясах, однако по ночам сотрудников в Башне оставалось мало, топ-менеджеров – ни одного, и Биджар Хамзи, один из директоров Гильдии, задержался на рабочем месте

исключительно по доброте душевной – не смог отказать в просьбе сбежавшему из предвыборного ада Кувалде. Ну и в расчёте на прибыль, конечно...

– Излагай, фюрер, только без лишних соплей. – Биджар закинул ноги на стол и запустил длинный нос в бокал с дорогим коньяком. – В чём проблема?

Обращение получилось весьма вольным – без «Ваше высокопревосходительство» и даже без добавления «великий», однако указывать на это могущественному финансисту одноголазый не стал. Пробормотал:

– Сейчас. – Вытащил из-за пояса сложенный пополам лист бумаги, аккуратно расправил его и принялся медленно читать, водя по строчкам пальцем: – Уважаемый Бифжар! Учитывая сложную политическую обстановку, в которой оказалась семья Красных Шапок, я, как великий фюрер и как великий сын своего великого нарофа, принял непростое решение. Пользуясь своей властью, я повелел верховному казначею нашей могущественной семьи сосрефоточить все финансовые ресурсы в офном месте и перефать на хранение семье Шась. Уверен, что нафежная феловая репутация и че... че...

– Честность, – подсказал Хамзи, потягивая коньяк. Он любил использовать во время работы именно это определение.

– Фа... – протянул одноголазый, – зфесь так написано... – С сомнением посмотрел на смакующего божественный нектар Биджара, вздохнул и продолжил: – Уверен, что нафеж-

ная феловая репутация и честность семьи Шась привефут к тому, что казна великой семьи Красных Шапок сохранится и приумножится. – Фюрер сложил листок и распахнул чемодан. – Пересчитывать буфешь?

– Разумеется, – кивнул шас, с интересом разглядывая пачки крупных банкнот. – Значит, ты погрузил всю наличность в чемодан и с десятком бойцов по тёмным улицам рванул сюда... Ты, Кувалда, герой. Спутники твои, как я понимаю, не догадывались, что везли?

– Фогафывались, наверное, – угрюмо вздохнул одноглазый. – Но им феваться некуфа – если великим фюрером станет кто-нибуфь фругой, им плохо буфет! – Кувалда снял с лысой головы бандану и вытер ею пот. – Но всё равно нервничал по фороге.

– Понимаю, – усмехнулся Биджар. – Ладно, Кувалда, не волнуйся: деньги мы пристроим, как полагается. Не обидим. Желаете организовать семейный счёт?

– Не нафо, – поморщился великий фюрер. – Клафи на моё имя – так меня точно не сразу убьют, если поймают.

– Разумно, – согласился шас, не отрывая взгляд от денег. – Кстати, Кувалда, не хочешь поговорить о будущем?

– О каком ещё буфущем? – не понял одноглазый. – Не надо мне никакого буфущего – я великий фюрер.

– Надолго?

Кувалда уныло вздохнул, но тут же взял себя в руки:

– Нафолго, мля! Феньги я спас, так что теперь всё поф

контролем: соберу Шибзичей, отрежу пару черепов смутьянам и...

– Ты в курсе, что королева Всеслава запретила Торговой Гильдии продавать вам оружие?

– В курсе?! – возмущённо переспросил фюрер. – Конечно в курсе!! Она ещё и арсенал запечатала, тварь зелёная! Я с этой сукой сегодня разговаривал! Я ей прямо сказал: не хочешь шухера, мать, слушай меня: фавай мне фружинников и вефъм зелёных, и ещё автоматы фавай. И тогфа всё тихо буфет и выборы пройфут как по маслу...

На самом деле диалог протекал в ином ключе. Сбежавший из Форта Кувалда с трудом дозвонился до офиса королевы и униженно просил её величество не губить и приструнить обнаглевших соплеменников.

– А она? – любопытствовал Хамзи, прекрасно понимающий, как на самом деле проходил разговор.

– Фа что она понимает? Арсенал запечатала. – Кувалда опустил плечи. – Сказала, чтобы всё было тихо, без межфосубиц и смертоубийства. А как без смертоубийства выборы выиграть? И без оружия как?

– Выстави свою кандидатуру, – посоветовал Хамзи.

– Фью... – осклабился Кувалда. – Моя канфифатура сегодня из Южного Форта еле-еле ноги унесла. Хорошо ещё, что с феньгами!

– Неужели всё так плохо?

– Фуричей и Гниличей много слишком, – пожаловался

фюрер. – Я, конечно, старался их покосить, но вефь всех не перебьёшь? Ефинство семьи и всё такое прочее. Но в семье не без урофов.

Кувалда не врал: во время его царствования Шибзичи вешали вожakov конкурирующих кланов довольно активно, но, как выяснилось, недостаточно.

– Если это электорат буфет решать, то побефит Фурич, Фуричей больше всех осталось.

– А недалновидная королева не позволяет тебе компенсировать электоральные преимущества конкурентов, – вздохнул Биджар.

Пару секунд одноглазый обдумывал слова шаса, затем неуверенно кивнул:

– Фа, без оружия ни за что не уфержусь.

– Ну, это можно поправить, – улыбнулся Хамзи. – Оружием мы тебя обеспечим. Через подставных лиц, конечно, но стволы будут.

– Почём? – тоскливо осведомился фюрер, прекрасно знающий, с каким трепетом шасы относятся к норме прибыли.

– Ты хочешь быть главным? – поинтересовался в ответ Биджар.

– Хочу.

– Тогда не ной. Будут у тебя хлопушки, будут. Но и на выборы идти надо.

– Фля чего?

– Чтобы королева Всеслава тебя не повесила раньше

остальных, — доходчиво объяснил шас. — Если твоей кандидатуры не окажется в списках, все поймут, что ты идёшь на конфронтацию...

— А вот не фига тут ругаться!

— Расслабься, фюрер, это не оскорбление, а политический жаргон. Привыкай.

— Кон-кран-такция, — послушно повторил привыкающий к политическому жаргону Кувалда.

— Очень похоже, — одобрил шас. — Так вот: выставяешь свою кандидатуру, проводишь предвыборную агитацию...

— А можно без неё? Просто устроим кон-кран-такцию и всё?

— Кувалда, ты сам не понимаешь, на какую золотую жилу нарвался, — улыбнулся Хамзи и сделал ещё один глоток коньяка. Бросив ласковый взгляд на доставленную наличность. — Представь, что будет, если ты выиграешь выборы?

— Что?

— Ты создашь прецедент. Все поймут, что Великие Дома сознательно зажимают демократические преобразования. По какому праву горстка магов давит свободный Тайный Город? И у нас в Тёмном Дворе тоже давно пора навести порядок. Эти навы, знаешь ли, слишком много себе позволяют. — Биджар задумчиво уставился в потолок. — Налоги такие, что Спящий боится проснуться, чтобы не остаться нищим. Свободное предпринимательство практически задушено. Честных торговцев взяли за горло!

– Ты чо, князя собрался того... на выборы? – Крамольная мысль настолько поразила фюрера, что вопрос он задал звенящим шёпотом.

– А почему нет? – с энтузиазмом поинтересовался Хамзи, которому требовалось уговорить великого фюрера не начать междоусобицу раньше времени, чтобы успеть продать не только оружие и боеприпасы, но и всевозможные интеллектуальные услуги. – Все обитатели Тёмного Двора должны иметь равные права! И все обитатели Зелёного Дома тоже. Прикинь, Кувалда, вдруг тебя выберут фюрером Зелёного Дома?

– Бреф!

– Это не бред, а демократия. И главное – создать прецедент.

– Я буфу прецефент! – догадался фюрер. – Я им стану!

– Вот-вот. – Убедившись, что одноглазый заглотнул наживку и с крючком и с леской и с доброй половиной удилища, Хамзи позволил себе расслабиться и перейти к насущным проблемам. – Значит, так, Кувалда. Стволы у тебя будут. Начинаешь агитацию, а под шумок будешь резать конкурентов, где только можно, исправляя, так сказать, электоральные ошибки природы. Усёк?

– Усёк. – Одноглазый с уважением посмотрел на шаса. – А кто мне агитацию буфет фелать? Я не умею.

– На этот счёт не волнуйся! – Биджар поставил на стол бутылку коньяка и придвинул собеседнику бокал. – Деньги

у тебя пока есть, так что мы поможем.

* * *

Южный Форт

штаб-квартира семьи Красные Шапки

Москва, Бутovo

Вопреки ожиданиям и сделанным ставкам – жители Тайного Города были уверены, что основные боевые действия предвыборного цикла развернутся под покровом темноты, – ночь прошла относительно спокойно. Пара мелких драк не в счёт. Лидирующая в политической борьбе партия Гниличей шумно праздновала промежуточный успех, однако в казармы Шибзичей и Дуричей благоразумно не лезла, а те, в свою очередь, не менее благоразумно не высовывались и ждали, что предпримут отправившиеся во временную эмиграцию лидеры. Политический процесс притих, но не остановился, просто активное прожаривание сменилось внутренним брожением – обалдевший от предвыборных перестрелок народ получил долгожданную передышку и принялся задумываться о разном.

А центром раздумий, естественно, стало «Средство от перхоти»: во-первых, в нём собирались представители всех конфликтующих партий; во-вторых, в единственном на весь Форт кабаке строжайше запрещались массовые перестрелки. Пьяные драки – сколько угодно, а хотите серьёзных разбо-

рок – добро пожаловать во двор. Другими словами, эта дискуссионная площадка оставалась относительно безопасной для выражения политических взглядов даже в разгар огнестрельного этапа предвыборной борьбы.

– Фюрером будет Напильник! Або никто! – провозгласил какой-то Гнилич, а собутыльники поддержали прогрессивный тост громкими воплями.

– Это ещё почему? – заинтересовались оппоненты из других кланов. То есть они понимали почему, но промолчать не сумели.

– Потому что Гниличей больше всех! – браво ответили лидеры рейтинга. – И мы уже заняли Форт.

– Зато вы обучены плохо!

– И автоматы у вас старые!

– И в прошлый раз мы вам тоже навалили!

– А сейчас другой раз – не прошлый!

– А Булыжник ваш до сих пор в Форт не вернулся!

– Ещё как вернётся!

– Вот тогда мы его и закопаем.

– Или в кучу скинем.

– Во-во...

Легендарная семейная куча возвышалась в центре двора, собирала в себя все отходы Красных Шапок, а в ответ производила сложнейший, ни с чем не сравнимый аромат, впитываемый дикарями с детства и давно ставший одной из их визитных карточек. Каждый Шапка нёс в себе немного «ку-

чи», а больше всех – Гниличи, чем они безусловно гордились, а остальные старались в их присутствии дышать ртом. В мусорном центре семьи, случалось, пропадали вещи, бойцы и даже целые отряды бойцов. А ещё говорили, что где-то в самом её центре на гигантской и неисчерпаемой куче золота, натурально лежащей у гигантского и неисчерпаемого подземного озера виски, спит гигантский дракон. И если до него добраться, он радостно передаст несметные сокровища самым достойным обитателям Земли – Красным Шапкам.

Но как до него добраться?

– И Кувалду закопаем, если он сослепу в Форт сунется, козёл одноглазый.

– Кувалду в первую очередь закопаем!

– Попил нашей кровушки – хватит!

– Вы ещё больше пить будете! – резонно ответил кто-то из Шибзичей. – Если до власти дорвётесь.

– Это ещё почему?

– Потому что только начинаете!

Даже в самый обычный, то есть не украшенный острыми предвыборными дебатами день подобные споры давно привели бы к мордобою. Но то ли народ устал, то ли надоело пустое бахвальство, а стрелять нельзя, но получилось так, что градус перепалки пошёл не вверх, а вниз. В углу орали друг на друга самые тупые, а остальные дикари вернулись к питью – если было на что – и спор продолжили без надрыва.

– Я про выборы, ващет, говорил, – неожиданно сказал

Гнилич.

– И я тоже, – буркнул Дурич.

– На выборах «галочки» ставить придётся, понял? А не из автоматов стрелять.

– Не стрелять? – теперь изумились сидящие чуть поодаль Шибзичи.

– Не стрелять, – подтвердил Гнилич. – Королева сказала, что если вместо выборов мы опять междоусобицу замутим, она сюда морян пришлёт и они нас всех съедят.

– Моряны брезгливые, – усомнился Дурич. – Чем попало не питаются.

– Она голодных пришлёт.

– Эти могут...

– А как выборы проводить, если это не междоусобица? – растерялся Шибзич.

– «Галочки» на бумажке ставить, – повторил инструкцию Гнилич.

– За кого?

– За того, кто больше понравится.

Новая информация в дикарей входила трудно, со скрипом, скрежетом, а иногда – с боем; долго искала в головах подходящее место или просто – за что уцепиться; к ней долго привыкали; но в какой-то момент даже самые простые вещи становились понятны, и в возникшей в «Средстве» паузе неожиданно громко прозвучала задумчиво-тягучая фраза грудастой Банки, подруги пулемётчика Танка:

– Мне, если честно, Булыжник наш не очень нравится.

– Зато он Дурич!

– Ну да, Дурич. Но всё равно должен нравиться. А у него татухи страшные.

– Нормальные у него татухи.

– У Напильника лучше, – напомнил о своём кандидате Гнилич, но услышан не был.

– Мне у Мормышки татухи нравятся, – продолжила Банка, игриво поглядывая в сторону хлипкого бойца. К счастью для которого Танк уже был пьян и не среагировал.

Молоденький Мормышка сделал вид, что ничего не услышал, но вдруг задумался над тем, что нравится народу – чисто внешне, после чего сделал глоток виски и спросил:

– А кто голосовать будет?

– Да все и будут, – беззаботно махнул рукой Шибзич. – Демократия ить.

– И женщины будут?

– А они разве не демократия?

– Не всегда, – буркнул Гнилич, припомнив, какую бучу устроила ему подруга, когда он завалился домой в обнимку с дружественно настроенным электоратом.

– Но голосовать они будут, иначе королева не поймёт, – громко произнёс Дурич.

– А что ей не понять?

– Она ведь женщина.

– А-аааа...

– Ага, – сказал Мормышка. – Ага...

И задумался.

Следующий день предвыборной агитации обещал получиться насыщенным.

* * *

Денежная Башня,

штаб-квартира семьи Шась

Москва, Краснопресненская набережная

Совещание началось минута в минуту – шасы, при всех своих недостатках и общеизвестной скверности характера, строго соблюдали деловые договорённости. Тем более встреча проводилась под эгидой Торговой Гильдии и в закрытом режиме – участвовали только главные фигуры проекта, – а потому в небольшом конференц-зале было весьма свободно.

– Кофейку никто не желает? – радушно осведомился Биджар Хамзи. – Бесплатно, разумеется. В смысле, за мой счёт.

– Со сливками, – кивнул Карим Томба. – И сахар не забудь. На стол выстави, я сам положу.

Известнейший московский журналист, прославившийся язвительными статьями в газетах и публицистическими передачами на телевидении, Карим, помимо всего прочего, являлся членом совета директоров «ТиградМедиа», крупнейшей рекламной компании Тайного Города, и курировал потуги Напильника. Он был одет в дорогой, но далёкий от клас-

сического кроя костюм, рубашку с расстёгнутым воротом и элегантные туфли. В ожидании кофе Томба небрежно поигрывал «Паркером» и разглядывал третьего участника совещания – Урбека Кумара. В конференц-зале собрались представители трёх основных сил, ведущих борьбу за пост великого фюрера Красных Шапок. Самих дикарей звать не стали: шасы планировали обсудить серьёзные вопросы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.